

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт общественных наук
Кафедра всеобщей истории

**Проблемы происхождения Революции конца XVIII века во
французской историографии XX века**

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой

дата

подпись

Исполнитель:
Мякотина Анастасия
Сергеевна
обучающийся БИ-41 группы

подпись

Руководитель:
Постникова А.А.,
к.и.н., доцент

подпись

Екатеринбург 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЭПОХА КЛАССИКОВ (ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII В. ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1900-1940 ГГ)	11
ГЛАВА 2. ВРЕМЯ ОЖЕСТОЧЕННЫХ СПОРОВ (ИСТОКИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КОНЦЕПЦИЯХ ИСТОРИКОВ 1950-1970 ГГ)	26
ГЛАВА 3. ДВЕРИ В НОВОЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ (НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОКОВ РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1980-1990 ГГ)	43
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	62
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	66
ПРИЛОЖЕНИЕ. АНАЛИЗ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	72

ВВЕДЕНИЕ

Французская революция конца XVIII века. Каких только нет названий у этих событий, произошедших во Франции в 1789 году. «Великая», «буржуазная», «антифеодальная», «капиталистическая», «результат заговора», «занос», «перелом между эпохами» – какие богатые на смыслы характеристики давали историки этим событиям. Была ли революция вписана в рамки периода 1789-1794, или она началась задолго до этих событий? Одна это была революция или три разных, возникал другой вопрос. Более того, была ли сама Революция, или все-таки это миф и выдумки? На протяжении всего изучения данных событий, начиная с конца XVIII века и заканчивая нашим временем, историки давали Революции самое разное объяснение.

К концу XIX века была создана «классическая» историография Революции. К ней относятся такие историки как Ф. Минье, А. Тьер, А. Олар, определяющие характер революции как антифеодальный и буржуазный. Такая «социальная» трактовка якобинского режима, согласно которой его политика служила интересам определенного общественного слоя Франции, была высказана в публицистике еще во время революции Г. Бабефом, П. Т. Дюран де Майаном и поддержанная в XIX в. историками социалистического направления – Ф. Буонарроти, Л. Бланом, – стала преобладающей в XX столетии, когда на ведущие позиции в изучении Французской революции конца XVIII в. вышли исследователи-марксисты, именно в социальном подходе видевшие ключ к научному пониманию политических явлений.

Однако не все ученые были удовлетворены такой трактовкой, несмотря на то, что она была превалирующей в начале XX века. На протяжении всего столетия не угасали дискуссии на данную тему. Расцветали и угасали направления в изучении Революции, находились и опровергались различные доказательства этих теорий. Из архивов извлекались новые документы,

вокруг которых возникали споры. И, конечно же, была написана не одна сотня исторических трудов в подтверждение различных теорий.

Исходя из этого, **актуальность исследования** состоит в следующем: причины и предпосылки Революции противоречивы и многочисленны, не одно поколение историков пытается охарактеризовать их и систематизировать. На протяжении XX века одно за другим сменились несколько исторических направлений в изучении этих причин. Мы попытаемся проанализировать их, дать характеристику и выявить факторы их возникновения.

Объект исследования: историография Французской революции.

Предмет исследования: исторические концепции о происхождении Революции, разработанные в XX веке.

Цель: выявить особенности трансформации взглядов историков о происхождении Французской революции.

Задачи:

- Рассмотреть взгляды представителей различных течений на происхождение революции.
- Определить позицию каждой из исторических концепций.
- Представить современную историческую оценку данного события.

Хронологические рамки: нижняя граница исследования определяется 1901-1903 гг. – выходом четырехтомника Ж.Жореса «Социалистическая история Французской революции»; верхней границей можно обозначить конец XX века, когда издается книга Р.Шартье «Культурные истоки Французской революции», которая ознаменовывает завершение большинства дискуссий касательно происхождения революции.

Территориальные рамки исследования: территория Франции.

Характеристика источниковой базы: все изученные нами источники относятся к типу письменных (классификация Л.Н. Пушкарева). Также они делятся на две категории: франкоязычные и русскоязычные.

В качестве источниковой базы для данной работы послужили:

- Труды, статьи, рецензии авторов основных концепций, которые позволили охарактеризовать каждое из основных направлений в изучении истоков Революции.
- Биографические работы о ведущих авторах, которые могут позволить проследить жизненный путь историков и выявить причины формирования их взглядов.
- Историографические исследования, с помощью которых можно проследить развитие основных концепция, критику и их интеграцию в историческую науку.
- Периодика: выпуски одного из ведущих журналов по истории Французской революции – «Анналес историк де ла франсез» – в период с 1999 по 2015 год, анализ которых помог установить современное видение причин Революции в исторической науке.
- Учебная литература: в данной категории представлены основные современные учебники младшей и средней ступени французской школы, благодаря которым был проведен сравнительный анализ научной трактовки причин Революции и преподавания этой темы в школе.

Методы исследования: кроме общенаучных методов, таких как анализ, синтез, индукция и другие, также были использованы методы интеллектуальной и ментальной истории.

Историческая наука переживает в конце XX в. глубокую внутреннюю трансформацию, которая ярко проявляется в трудной смене поколений, интеллектуальных ориентаций и исследовательских парадигм, самого языка истории. Современная историографическая ситуация все чаще и все уверенней характеризуется как постмодернистская. Представителями данного течения являются Х. Уайт, Р. Шартье, Г. Спигел. Главный вызов постмодернизма истории направлен против ее представления об исторической реальности и, следовательно, об объекте исторического

познания, которые выступают в новом толковании не как нечто внешнее познающему субъекту, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой.

Признание активной роли языка, текста и нарративных структур в созидании и описании исторической реальности является базовой характеристикой так называемого нового культурологического подхода к истории, под которым обычно понимают совокупность некоторых наиболее общих теоретических и методологических принципов, разделяемых новой культурной и новой интеллектуальной историей.

Главная задача исследователя в данном подходе состоит в том, чтобы показать, каким именно образом субъективные представления, мысли, способности, намерения индивидов включаются и действуют в пространстве возможностей, ограниченном объективными, созданными предшествовавшей культурной практикой коллективными структурами, испытывая на себе их постоянное воздействие¹. Это сложное соподчинение описывается аналогичным по составу понятием репрезентации, позволяющим артикулировать "три регистра реальностей": с одной стороны, коллективные представления – ментальности, которые организуют схемы восприятия индивидами "социального мира"; с другой стороны, символические представления – формы предъявления, демонстрации, навязывания обществу своего социального положения или политического могущества, и, наконец, «закрепление за представителем – «репрезентантом» (конкретным или абстрактным, индивидуальным или коллективным)» утвержденного в конкурентной борьбе и признанного обществом социально-политического статуса.

Историография вопроса: стоит охарактеризовать степень изученности данной проблемы. В наши дни история Французской революции вызывает большой общественный и исследовательский интерес. Это классическая тема

¹ Репина. Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей 1996. М. : Наука. 1996.

в исторической науке. Немного найдётся событий, сравнимых с революцией XVIII в. по глубине своего воздействия и долговременности последствий для всемирной истории.

Не меньший интерес вызывает историография данного вопроса.

Если говорить о зарубежной историографии, то можно выявить несколько ведущих специалистов начиная с 1950-х годов. В первую очередь это Альбер Собуль, перу которого принадлежат статьи посвященные основателям классической школы Жоресу, Матьезу и историкам, развившим ее, таким как Лефевр². Подробную историографическую характеристику составил Жак Годшо, в которой описал не только основные ведущие концепции, но и проанализировал и составил список наиболее часто изучаемых тем, связанных с революцией, и авторов, обращающихся к ним³.

В некотором роде к историографическим работам можно отнести работу Франсуа Фюре «Постижение Французской революции», так как в ней Фюре дает анализ трудов некоторых историков, таких как А. Собуль, О. Кошен, К. Мазорик, сравнивая со своими воззрениями⁴.

Кроме того стоит отметить статьи Клода Мазорика, посвященные Жаку Годшо. К современной историографии можно отнести работы Жан-Клемена Мартена, Жульена Лувриера, Жака Гильхаума, которые анализируют работы ревизионистов.

Говоря об отечественной историографии, нельзя не отметить, какой вклад был внесен учеными-историками в изучение Французской революции и ее истоков.

Крупный знаток эпохи Революции и Империи А.З. Манфред отдал известную дань историографическим вопросам. При всей своей доброжелательности к французской марксистской и социалистической

² Собуль А. Жорес, Матьез и история Французской революции / Пер. с фр. Г.А. Шумяцкой. // Французский ежегодник. М. : Наука. 1982. С. 211-219.

³ Годшо Ж. Современное состояние изучения французской революции в странах Западной Европы и США // Французский ежегодник 1970. М. : Наука. 1972. С. 265.

⁴ Фюре Ф. Постижение Французской революции / Пер. с фр. Д.В.Соловьева. СПб. : ИНАПРЕСС. 1998. С. 159.

историографии Манфред дискутировал с Собулем и Лефевром, оспаривая расчленение революционного процесса на ряд автономных революций⁵. В статье, посвящённой 175-летию Французской революции, объектом его критики стал французский историограф Ж. Годшо. Но особенно резок был Манфред к «ревизионистам» Коббену, Фюре и Рише, о чем свидетельствует и последняя, опубликованная посмертно статья⁶.

Российский историограф А.В. Адо первым обратился к «реинтерпретациям» революции 1789 г., характеризуя их различные варианты: французский, английский, американский и иные. Его труды наполнены внимательным и глубоким анализом трудов зарубежных историков, воспроизведением всей логики их рассуждений, что давало читателям широкие представления о «ревизионистской» историографии. Самой крупной из публикаций стала серия «Великая французская революция: документы и исследования»⁷, выпущенная Московским университетом по инициативе А.В. Адо и под его редакцией. Также выходят его статьи «Французская революция в советской историографии»⁸, «Очередная атака на марксистскую концепцию Французской революции конца XVIII»⁹.

В настоящее время тон исследованиям Великой французской революции задаёт новое поколение – С.Ф. Блуменау, А.В. Чудинов, А.В. Тырсенко.

Блуменау С.Ф. опубликовал серию научных статей по историографии Великой Французской революции в ведущих журналах страны – «Новой и новейшей истории» и «Вопросах истории». В соавторстве с Ю.Н. Афанасьевым его статья «Дискуссии вокруг Великой Французской

⁵ Манфред А. З. Вступительная статья // Французский ежегодник. М., 1978.

⁶ Манфред А. З. Великая франц. революция (Посмертное издание). М., 1983.

⁷ Адо А. В. Документы истории Великой французской революции. М., 1990-1992. 2 т.

⁸ Адо А. В. Французская революция в советской историографии. М., 1998.

⁹ Адо А. В. Очередная атака на марксистскую концепцию Французской революции конца XVIII в. // Вопросы истории. 1973. № 4,5.

революции»¹⁰ в книге «Великая Французская революция и Россия» вышла к 200-летию Великой Французской революции на русском и французском языках. По высказыванию самого С.Ф. Блуменау «как в сводных отечественных трудах по истории Франции, так и в общих работах по революционной эпохе обнаруживаются и недостаток сведений, и принципиальные неточности»¹¹. Также стоит отметить статью двухтысячных годов «Просвещение и проблема истоков Французской революции: современное видение», где автор рассматривает историческую концепцию Роже Шартье¹².

А.В. Чудинов в своей статье посвященной 200летию Французской революции, анализируя историографию революции, приходит к выводу, что мнение многих отечественных историков о том, что революция дала мощный импульс для формирования новой социально-экономической системы – системы капитализма, является не совсем верным. Так как наоборот была сильно подорвана экономическая и финансовая сфера¹³.

Следует подчеркнуть, что к концу 80-х годов высвобождение от идеологических догм сказалось на подходах к зарубежной историографии. Российские историки стали внимательнее к достижениям западных коллег, появилась взвешенность в оценках, обнаружилось стремление к собственно научной дискуссии. Прослеживаются изменения касательно методов освоения источников, подходов к изучению революции. Значение вехи на этом пути имел проведенный Институтом всеобщей истории 19-20 сентября 1988 года «круглый стол», посвященный проблематике Французской революции.

¹⁰ Блуменау С. Ф. Споры о революции во французской исторической науке второй половины 60-х - 70-х годов. Брянск. 1994.

¹¹ Блуменау С. Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания: Французская историография революции конца XVIII в 1945-1993 гг. Брянск. 1995.

¹² Блуменау С. Ф. Просвещение и проблема истоков Французской революции: современное видение // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 155-161.

¹³ Чудинов А. В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // Французский ежегодник 2000. М., 2000.

В целом, работа над исследованием Французской революции продолжается и представлена уже новыми поколениями учёных. Но, следует также заметить, что историографам ещё предстоит заполнить пробелы и ответить на многие спорные вопросы.

Структура работы: работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и одного приложения.

ГЛАВА 1. ЭПОХА КЛАССИКОВ (ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII ВЕКА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1900-1940 ГГ.)

XX век в изучении Французской революции можно охарактеризовать как время споров и дискуссий. Но где искать отправную точку начала этих споров? Вероятно, стоит начать с описания обстановки в исторических кругах этого времени.

Конец XIX века можно ознаменовать ускорением прогресса капиталистической экономики. Экономические вопросы занимали все большее место и в конце концов стали преобладать в политике государств и международных отношениях. Одним из последствий этого являлось усиление классовых противоречий, которые приобрели особую остроту и широту, а это в свою очередь усилило рост рабочего движения и развитие социалистических идей. Подобная ситуация не могла не повлиять на разработку истории революции. Начались поиски идеологических истоков социализма в XVIII веке и первые попытки его осуществления начали усматриваться в эпохе Революции.

В начале XX века можно выделить две основополагающих концепций, которые представлены в трудах Альфонса Олара и Жана Жореса. Несмотря на то, что это историки скорее XIX века нельзя обойти стороной их труды, так как именно они будут являться тем фундаментом для развития дальнейших размышлений о происхождении революции.

Первым необходимо назвать Альфонса Олара, «непримиримого врага Империи», как говорили о нем¹⁴. Олар принадлежал к поколению, боровшемуся с 1875 по 1880 г. за утверждение республики, парламентской и светской демократии, вот почему его интересовала в революции

¹⁴ Лукин Н. Альфонс Олар // Историк-марксист. 1928. № 10. С. 71.

политическая история, и главным образом история партии и Национального собрания. И этот интерес был выражен в его труде «Политическая история французской революции», изданной в 1901 году. В ней автор определил факторы определяющую политическую эволюцию, которые осветил: политические учреждения, система избирательного ценза и монархический режим, идейное движение, подготовившее, установившее и видоизменившее эти учреждения, политические партии, их стремления и распри, главнейшие течения общественного мнения, перевороты в умах общества, борьба нового духа с духом прошлого и так далее. Во введении к «Политической истории» он оговаривает, что, разумеется, это не все факты, оказавшие влияние на революционные события, и вскользь называет войны, дипломатические и финансовые акты, однако с уверенностью отмечает, что для понимания революции углубляться в «лабиринт финансов революционной эпохи» нет надобности¹⁵. Это, без сомнения, связано с особенностями формирования Олара как историка, предполагает А.Собуль. Он считает, что в этом сыграли свою роль обстоятельства политической жизни времен юности и зрелости Олара. Он находился в рядах республиканской буржуазии, и она представлялась ему естественным наставником третьего сословия. Народные массы для него были способны лишь поддерживать буржуазию в борьбе за осуществление полной политической демократии и не могли иметь другие интересы, другие потребности, чем у буржуазии.

Другим «историческим титаном» можно считать представителя марксистской историографии начала XX века Жана Жореса. Это деятель французского и социалистического движения, борец против колониализма, милитаризма и войны. Сначала защитник идеалистической философии и радикал, он постепенно переходил налево в политике и в сторону марксистского понимания истории; безусловным сторонником последнего он, однако, не стал, принимая его с оговорками и пытаясь

¹⁵ Олар А. Политическая история Французской революции. Происхождение демократии и республики / Пер. с фр. Н. Кончевской. М. : ОГИЗ. 1938. С. 4.

примиришь с идеализмом в философии. Родившийся в 1859 году, к концу века он вел активную политическую деятельность, являясь лидером социалистов и имея установку объединить все социалистические партии в одну¹⁶.

Однако в нашем исследовании нам интересен его опыт как историка-марксиста, ведь именно его труд «Социалистическая история Французской революции», изданный в 1901 году (так же как и «Политическая история» Олара) можно считать основополагающим в данной сфере. Как раз Жорес в противовес Олару затронул социальные и экономические проблемы, которым раньше уделялось не столь пристальное внимание. Жорес первым в XX веке сделал упор на то, что революция имеет не только политические, но и социально-экономические причины. В 1901-1903 гг. выходит его четырехтомник «Социалистическая история Французской революции», где он рассматривает революцию в связке с экономическим и социальным положением. Конечно, он не отрицает влияния философских идей, однако Жорес особо подчеркивает, что революция стала завершением долгой экономической и социальной эволюции общества, которая привела к господству буржуазии. Его «Социалистическая история» стала окончательным оформлением концепции борьбы классов в революции, подытоживая труды его предшественников, таких как Барнав, Тьер, Гизо, Минье¹⁷.

Основной нитью в своем главном труде Жорес делает историю пролетариата, простого народа и его борьбу за свободу. Во введении к первому тому «Социалистической истории» автор подчеркивает, что революция имела не законченный характер, так как на самом деле это продолжительная схватка пролетариата с господствующими классами, которая будет длиться на протяжении целого столетия. «Французская революция косвенно подготовила возвышение пролетариата, – пишет историк, – Она подготовила для социализма два существенных условия:

¹⁶ Jean Jaurès. Biographie. URL: http://www.peoples.ru/state/politics/jan_jores/.

¹⁷ Собуль А. Жорес, Матьез и история Французской революции / Пер. с фр. Г.А. Шумяцкой // Французский ежегодник. М. : Наука. 1982. С. 211-219.

демократию и капитализм. Но, по существу, она была политическим возвышением буржуазного класса»¹⁸.

В подтверждении своей теории Жорес использует богатейший архивный материал, который формировался многие годы. Жорж Лефевр, один из последователей и учеников Жореса, говорил, что особое влияние на него оказало углубление экономического и социального анализа. Именно это знаменует в его глазах новейшие достижения в историографии революции. Большим вкладом Жореса, по мнению Лефевра, стало создание комиссии по сбору и публикации многочисленных архивных документов по экономической истории Франции, тем самым открывая новые горизонты для тех, кто хотел развивать его классическую социальную трактовку истории революции¹⁹.

После Жореса было бы логичным упомянуть Альбера Матъеза, главу новой школы по изучению революции XVIII века, так называемого «Общества по изучению жизни и деятельности Робеспьера» и редактора журнала «Анналы революционной Франции». Можно ли назвать Матъеза учеником Жореса? Скорее нет, несмотря на то, что «Социальная история» сильно повлияла на Матъеза и впоследствии одним из его интересов станет изучение экономического положения буржуазии при Старом порядке. Однако начинал Матъез под влиянием Олара с политической истории и взгляда на революцию «сверху», со стороны партий и их понимания необходимости революционных столкновений. Особенно его интересовала личность и роль Дантона в событиях революции. Политическая, точнее парламентская, история до конца его дней оставалась среди главных его интересов. И когда он приступил к изучению экономической и социальной истории революции, он приступил к ней не «снизу», а «сверху», с точки зрения политических партий и потребностей ведения войны. Но нельзя и

¹⁸ Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. В 6-и т. Т.1 : Учредительное собрание (1789-1791). М. : Прогресс. 1976. С. 18.

¹⁹ Собуль А., Жорес, Матъез и история Французской революции / Пер. с фр. Г.А. Шумяцкой // Французский ежегодник. М. : Наука. 1982. С. 211-219.

недооценивать влияние Жореса на труды Матьеза. После начала Первой мировой войны Альбер Матьез углубляется в изучение экономических и социальных аспектов истории, новых для него в то время, и начинает рассматривать революцию как борьбу классов, борьбу «третьего сословия» и привелигерованного, расслоение внутри класса буржуа²⁰.

В 1922 году выходит первый том его «Французской революции», где в первой главе «Кризис старого порядка» Матьез широкими мазками рисует неприглядную картину общества при Старом порядке. Так он описывает жалкое существование мелкого дворянства, где наследники вынуждены делить землю на все более мелкие куски; праздную жизнь «представленной при дворе» элиты аристократии, швыряющую по примеру Марии-Антуанетты деньги; возрастающую экономическую и социальную роль буржуа, начинающих соперничать с дворянством; не обходит стороной и укрепляющихся на позициях философов, которых начинает читать большая прослойка общества, от придворных до простолюдинов; а вот простому народу, рабочим и крестьянам, Матьез отводит совсем незначительную роль в будущих революционных событиях, полагая, что главными подстрекателями в их среде являлись представители из класса буржуазии. В конечном итоге автор подчеркивает, что весь XVIII век, развитие отношений на всех уровнях, политическом, экономическом, социальном и культурном, привели к революционному взрыву 1789 года²¹.

Таким образом, к двадцатым годам XX века во французской историографии прочно укоренилась «классическая» или марксистская трактовка интерпретации Революции. Однако стоит сказать и о других направлениях в изучении происхождения революции, и здесь стоит назвать Огюстена Кошена, чьи неоднозначные работы будут опубликованы после смерти, а признаны только через несколько десятков лет.

²⁰ Собуль А., Жорес, Матьез и история Французской революции. С. 213.

²¹ Матьез А. Французская революция / Пер. с фр. К.И. Цидербаума. Ростов н/Д. 1995. С. 25-33.

Огюстен Кошен родился в Париже 1876 г. Его отец, барон Дени Кошен, член Французской академии, принадлежал к кругу политиков крайне правого толка. Он был ревностным католиком, что, возможно повлияло и на мировоззрение его сына. Закончив Школу хартий, Кошен защитил в 1902 г. диссертацию по истории Франции XVII в. С 1903 г. он начал заниматься изучением французской революции XVIII в. В 1904-1908 гг. Кошен работал в архивах Бретани, собирая материал для монографии. В последующие годы почти до начала первой мировой войны Кошен вел подготовительные работы для создания обширного труда по истории якобинской диктатуры. Однако война помешала ему закончить исследование. 8 июля 1916 г. капитан Кошен, в возрасте 40 лет, погиб в сражении на Сомме²².

После войны ряд работ О.Кошена был опубликован. В 1920 г. появился первый том собрания документов «Акты революционного правительства», подготовленный им совместно с Ш. Шарпантье. В 1921 и 1924 годах мать Кошена издала два сборника его трудов. В первый – «Общества мысли и демократия: Этюды революционной истории» (в 1979 г. он будет издан под названием «Дух якобинизма») – были включены уже ранее публиковавшиеся статьи и очерк 1909 г. о сочинении Тэна. Во второй, «Революция и свободомыслие», вошли подготовительные материалы теоретической части исследования по истории якобинской диктатуры. В 1925 г. вышла в свет двухтомная монография о выборах в Бретани. И хотя Кошен не закончил свой основной труд, даже то, что он успел написать, дает ясное представление о его концепции Французской революции²³.

Наверное, главным тезисом, выдвигаемым Кошеном, является предположение, что революция являлась следствием определенных процессов, происходивших в *общественном* сознании.

Кошен проводит сравнение Французской революции и «Славной революции» в Англии в 1688 году. И в отличие от английской французская

²² Augustin Cochin. Biographie. URL: http://www.peoples.ru/science/history/augustin_cochin/.

²³ Чудинов А. В. Огюстен Кошен и его вклад в историографию Великой Французской революции // Французский ежегодник 1987. М., 1989. С. 220-239.

революция, разрушившая фактическую свободу «старого порядка», не была вызвана реальными потребностями общественной жизни, она дело рук философов, а не других сословий. Она, революция, воплощение «абстрактной идеи всеобщей свободы, основанной на принципе, а не на реальном положении дел»²⁴. В то же время революция – это и не стихийная вспышка: подготовка к ней в интеллектуальных кругах велась на протяжении нескольких десятилетий, предшествовавших революционным событиям. О каких-либо экономических предпосылках революции Кошен, как правило, не упоминает.

Также Кошен считает, что Революция не была ни заговором, ни делом рук народа. Ее «руководящим центром» был «малый народ» – члены различных интеллектуальных обществ, сторонников идей Просвещения, а массы выступали лишь в качестве послушного и слепого орудия²⁵. Однако закономерно возникает вопрос: как небольшое количество людей могло спровоцировать большинство к мощным выступлениям? Вот здесь Кошен, к сожалению, не смог дать вразумительного ответа ни себе, ни своей аудитории. Кошен при помощи «социологического метода» Эмиля Дюркгейма, под влиянием которого она находился, не сумел.

Таким образом, предложенная Кошеном интерпретация французской революции имела с идеологической точки зрения ярко выраженную консервативную направленность. Идеализируя “старый порядок”, восхваляя католическую церковь, не скрывая вражды к революции и к демократии вообще, Кошен стал продолжателем историографической традиции, ведущей свое начало еще от трудов Э.Бёрка²⁶. Но его идеи касательно источника Революции, а именно интеллектуальной немногочисленной элиты, которая сподвигла основные массы к взрыву, были для этого периода достаточно

²⁴Кошен О. Малый народ и революция. Сборник статей об истоках Французской революции. М. : Айрис-пресс. С. 34.

²⁵ Кошен О. Малый народ и революция. С. 45.

²⁶Чудинов А. В. Огюстен Кошен и его вклад в историографию Великой Французской революции // Французский ежегодник 1987. М., 1989. С. 220-239.

новыми и нетипичными. Безусловно, к ним уже обращались в XIX веке, но он был первым, кто заговорил об этом в XX столетии.

Однако такой подход к интерпретации революции был предан жесткой критике со стороны классической школы и, в частности, Матьеза, который вполне справедливо говорит о том, что взгляды Кошена «содействуют развитию не истории, а лишь философии и социологии».

Столь категорические оценки авторитетов в области революционной истории стали, казалось, окончательным приговором концепции Кошена. Действительно, хотя в 30-е годы продолжалось издание некоторых его трудов, имя Огюстена Кошена было почти забыто. В 70-х А. Собуль говорил о его произведениях, как об устаревших. И только благодаря ревизионистам, в частности, Ф. Фюре, в 80-е годы труды Кошена были «извлечены из архивов памяти» и переизданы²⁷.

Другим неоднозначным персонажем можно назвать Даниэля Морне, литературного критика и историка французской литературы. Казалось бы, какое отношение литературный критик имеет к французской революции, однако, как оказалось, самое прямое. Родился Морне в 1878 году, вся его карьера была посвящена изучению литературы. С 1928 года он имел звание профессора в Сорбонне, на факультете истории французской литературы XVIII века, а впоследствии стал деканом факультета. Также он являлся директором журнала «Литературная история Франции»²⁸. Главным научным интересом Морне была литература XVIII века, поэтому здесь мы и можем увидеть связь с революционными событиями, так как одной из распространенных версий происхождения революции являлось распространение идей Просвещения.

Важную роль сыграл труд Морне «Интеллектуальные истоки Французской революции», изданный в 1933 году. Собственно, эта работа и вызывает у нас наибольший интерес. На основании богатейшего архивного

²⁷ Чудинов А. В. Огюстен Кошен и его вклад в историографию Великой Французской революции. С. 4.

²⁸ Daniel Mornet. Wikipédia en Français. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Daniel_Mornet.

материала автор попытался составить наиболее полную картину читающей Франции XVIII века, какие книги были в ходу у французов, каким образом утопические идеи просветителей могли распространяться среди людей, какого сорта могла быть читающая публика, какое сословие было самым «читающим» и самый главный вопрос: могли ли на самом деле книги подготовить и спровоцировать Революцию?

Во введении к «Интеллектуальным истокам» Морне описывает три вида революции: революция нищеты и голода: восстания путают людей, уставших от жестокого обращения и растущих потребностей и слепой ярости, они приводят к анархии или кровавым репрессиям; революция меньшинства, когда изобретательная и охочая до власти малая группа производит смелый захват власти, затем ведет или доминирует над массами до сих пор безразличными или инертным; наконец, революция, где большинство или, по крайней мере, очень широкое меньшинство, более или менее просвещенное, понимает недостатки существующей политической системы, желает более глубоких, действенных реформ и мало-помалу заражают своими идеями все большие массы. Морне уверен, что революция 1789 года – это именно третий вид²⁹. Целью своего исследования он ставит попытку выяснить роль «интеллекта» в подготовке Революции.

Также во введении автор оговаривает, что его произведение не претендует на место фундаментального, оно не полно, так как обилие информации предполагало бы его проживание в разных городах для сбора материала на протяжении нескольких десятилетий, с иронией замечает Морне. Здесь же он отмечает, что хотел бы, чтобы «Интеллектуальные истоки» стали отправной точкой для дальнейших разработок в этом течении. И действительно так и произошло: труд Морне стал первым такого рода

²⁹Mornet D. Les origines intellectuelles de la révolution française (1715-1787). Lyon. : Editions La Manufacture 1989. P. 38.

работой, затрагивающей именно распространение и влияние идей интеллектуальной элиты на широкую публику³⁰.

К каким итогам приходит автор? В первую очередь Морне говорит о все больше и шире распространяющейся дехристианизации Франции. До 1750 года те, кто нападает на самый принцип религии, веры, довольно многочисленны, но их работы, чаще всего рукописи, имеют лишь ограниченное распространение. С другой стороны, уже в середине века осуждается сама политика церкви: открытая нетерпимость; навязывание своих убеждений силой и т.д. С 1748 по 1770 годы дискуссии стали гораздо более многочисленными, менее абстрактными, гораздо более смелыми. Но, тем не менее, все, что может казаться революционным, не что иное, как утопии, игры разума, чье влияние еще не имеет большой силы.

С 1750 по 1770 год философия говорила почти обо всем, что она могла сказать. Начинают более активно издаваться работы, снимающие покрывало священности с церковных догм, священных книг, обрядов, истории и т.д. Эти книги не «дехристианизировали» Францию, пишет Морне, но сделали достаточно, чтобы лучшая часть нации стала «нечестивой», если не враждебной религии, по крайней мере, достаточно оторванной от Церкви, от ее священников, чтобы не быть более склонной следовать ей. Это возрастающее недоверие продолжалось с 1770 по 1787 год, но все же решающий шаг в этом направлении был сделан в 1770 годах.

«Вся Франция начинает думать», – считает Даниэль Морне (хотя здесь стоит сделать ссылку на ранее обозначенный автором недостаток информации)³¹. Об этом говорят не только прямые свидетельства: все большее число обсуждений и их успехов, примеры и факты, данные мемуаров, переписки и т.д.; но и косвенные: образовательная трансформация,

³⁰ Mornet D. Les origines intellectuelles de la révolution française (1715-1787). P. 44.

³¹ Mornet D. Les origines intellectuelles de la révolution française (1715-1787). P. 38.

появление провинциальных академий, литературных обществ, читальных залов, библиотек, провинциальных газет и прочее³².

«Это пробуждение настолько обширное, настолько активное, если пламенный разум не ограничивается Парижем или некоторыми крупными городами. Это было интеллектуальное происхождение Французской революции», – делает свой вывод автор. Однако здесь Морне также оговаривает, что имеется в виду «средняя» Франция, то есть третье сословие, так как «поскольку у нас нет средств действительно проникнуть в рабочую и крестьянскую Францию, где им было слишком сложно жить заниматься философией или даже читать»³³.

Какой же вывод автор делает касательно самих просветителей? Разумеется, Вольтер, Руссо, Монтескье являлись своего рода литературными доминантами века. Издания их произведений размножаются, их цитируют даже в отдаленных провинциях. Тем не менее, исследования Морне показали, что они не были, в большинстве своем настоящими «первооткрывателями». В вопросах религии все аргументы скептиков были опубликованы или написаны перед Вольтером; самые методические или самые жестокие опровержения христианства сделаны не им. В политических вопросах ни Вольтер, ни Монтескье, ни Руссо, ни Дидро не были революционерами и хотя бы смелыми реформаторами, а самые смелые тезисы выдвигаются писателями третьего сословия. Но с другой стороны, отмечает Морне, не будь таких корифеев философии Просвещения, что было бы с Революцией? Каким путем пошла бы ее интеллектуальная сторона? Этот вопрос автор оставляет открытым для будущих поколений историков³⁴.

Подводя итоги, можно сказать, что труд Даниэля Морне, принесший ему знаменитость в 1930-х годах, открыл новую, еще достаточно не изученную сторону истоков Революции. Только спустя 50 лет продолжатся крупномасштабные работы по изучению и отчасти по опровержению

³² Mornet D. Les origines intellectuelles de la révolution française (1715-1787). P. 53.

³³ Op. cit. P. 57.

³⁴ Op. cit. P. 61.

некоторых тезисов Морне, привлекая более современные методы изучения и более широкую источниковую базу, по сравнению с той, что использовал сам автор.

Труды Огюстена Кошена и Даниэля Морне, возможно, можно назвать несоответствующими своему времени. Это были своеобразные «белые вороны» на общем фоне классической трактовки Революции, к признанию которых, как мы уже говорили, историки вернуться много позже. Особенно это касается работы Морне, ее постмодернистский характер не укладывался в рамки привычного, однозначного понимания для его современников.

Возвращаясь к классической концепции, стоит продолжить плеяду историков марксистов еще одним именем – Жоржем Лефевром, последователем Матъеза и Жореса. Это французский историк, наиболее известный своими работами, посвященными французской революции и крестьянской жизни. Он ввел термин "история снизу", который позже был популяризирован британскими историками-марксистами³⁵.

Родился Лефевр в 1874 году. Начало его интереса к экономическим проблемам было положено еще в лицее, а позже и в Лилльском университете, где большую часть времени уделяли вопросам современного языка, математики и экономики. Позднее он писал, что «это образование открыло для него экономические с социальные реалии, и дали мне воздух для развития независимой личности»³⁶. Исследования для докторской диссертации он начал еще в 1904 году, но так как работал провинциальной школе учителем (около 20 лет), озабоченный содержанием семьи и престарелых родителей, смог закончить свою работу только в 1924 году, в возрасте 50 лет.

Докторская диссертация Лефевра, «Крестьяне департамента Норд и Французская революция» это детальное статистическое исследование влияния революции на селе. Оно было основано на тщательном анализе

³⁵Georges Lefebvre. Wikipédia en Français. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Georges_Lefebvre.

³⁶Georges Lefebvre. Biographie. URL: <https://peoplelife.ru/164981>.

тысячи налоговых бумаг, нотариальных записей и списков сельских муниципалитетов, чьи материалы он использовал, чтобы проследить последствия отмены феодализма и церковной десятины, о последствиях передачи имущества, движение буржуазии в сельской местности, и разрушение коллективных прав в крестьянских деревнях. Лефевр утверждал, что революция завершила распад крестьянской солидарности и преобразовала деревенскую общину.

Лефевр был человеком левых взглядов и называл себя марксистом. Также он говорил о том, что Жюль Гед и Жан Жорес имели наибольшее влияние на его интеллектуальную жизнь. Он видел Жореса только два раза, издали, говорит Лефевр, но «Социалистическая история Революции» последнего определила направление его исследований. Убеждения Лефевра в марксизме были крайне тверды: «Маркс разъяснил доминирующее влияние способа производства, но это никогда не было его намерением исключить другие факторы, особенно человека»³⁷.

Впоследствии Лефевр показал широту своих взглядов, когда он отвернулся от статистических исследований социальной истории обратился к социальной психологии. В «Великом страхе 1789 года» (1932) он искал причины этого движения в крестьянском сознании: страх, бедность и безработица, к которой 1789 добавился политический кризис и страх «аристократического заговора». Он доказывал, что в рамках французской революции развивалась как особое движение, *революция крестьянская*, которая имела собственные методы, цели, собственную направленность – антикапиталистическую. Цель ее – сохранение крестьянского хозяйства и крестьянских ценностей, разрушение феодального режима, но сохранение мелкого крестьянского хозяйства. И в этом проявляется ее консерватизм. Но так же Лефевр рассматривает крестьянство накануне Революции в своем труде «Великий страх», где говорит о явлении панического ужаса, охватившего крестьян в связи с событиями августа 1789 года. Страх перед

³⁷ Georges Lefebvre. Biographie. URL: <https://peoplelife.ru/164981>.

«разбойниками», ордами нищих и попрошайек, заставлял крестьян объединяться нередко в вооруженные объединения, которые могли по случайности, из-за слухов нападать даже на своих соседей, приняв их за разбойников. Данные события говорят о том, что крестьяне старались скорее защитить себя, чем принять участия в Революции³⁸.

Новизна взглядов Лефевра как раз заключается в том, что он первым из марксистов попытался отойти от социально-экономического подхода в изучении и обратился к социальной психологии, пласту, который еще не был затронут.

Подведем итоги. Первая половина XX века характеризуется мощным доминированием социально-экономической теории происхождения революции. Данная концепция в начале столетия была столь же новой, как и концепция атлантиков или ревизионистов во второй половине века, однако очень быстро стала преобладающей. В это время выходят в свет многотомные, монументальные труды по истории Революции Жореса, Матьеза и прочих классиков, где на основании богатейшего архивного, статистического материала были сделаны основополагающие выводы для марксистской концепции понимания Революции.

Возможно, такой переход от политической истории к социально-экономической вполне закономерен, так как невозможно постоянно изучать какое-либо событие только с одной стороны, рано или поздно эта тема себя исчерпает. Так, в конце концов, случится и с самой классической теорией через несколько десятков лет, она так же себя изживет. Кроме того нельзя забывать о расцвете марксизма в этот период и желании историков взглянуть на любое событие со стороны социальных и экономических отношений.

Как противовес классикам продолжает жить консерватизм в лице Кошена, однако, сами идеи восхваления Старого порядка устаревают. Идеи, но не методы изучения, с которыми работал автор. Изучение

³⁸ Лефевр Ж. Великий страх 1789 года. Реф. Чертковой Г.С. URL: <http://istmat.info/node/28031//>.

интеллектуальной элиты и ее влияния на широкие массы населения само по себе было достаточно прогрессивным для данного периода.

Но самыми передовыми исследованиями были связаны с социальной психологией. Это работы Морне и поздние работы Лефевра. Появление трудов такого толка так же может сказать о том, что социально-экономическая тема начала себя исчерпывать и не была достаточно обоснованной для установления истоков Революции.

ГЛАВА 2. ВРЕМЯ ОЖЕСТОЧЕННЫХ ДИСКУССИЙ (ИСТОКИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КОНЦЕПЦИЯХ ИСТОРИКОВ 1950-1970 ГГ.)

Данный период характерен возникновением новых теорий происхождения Революции и ожесточенных дискуссий.

В русле классической концепции после Жоржа Лефевра, логично было бы рассмотреть труды одного из его учеников Альбера Собуля. Это французский историк-марксист, один из ведущих специалистов середины XX века по истории Французской революции и Первой империи. Собуль родился в 1914 году, а образование закончил в 1938 году в лицее Луи-Ле-Гран в Париже. В 1940 году его призвали на службу на фронт, и в этом же году он вступает во французскую коммунистическую партию. После войны Собуль проводит год в университете Монпелье для дальнейшего образования. Он стал близким другом Жоржа Лефевра, и под его руководством написал свою докторскую диссертацию «Парижские санкюлоты II года. Народное движение и революционное правительство 2 июня 1793 г. – 9 термидора II года», которая была защищена в 1958 году. Эта работа внесла огромный вклад в изучение политической истории и включению в нее социальной истории борьбы за власть, подобно тому, как это раньше сделал Лефевр в своих трудах о крестьянстве и Матьез о городском плебсе. Поэтому она была переиздана два раза: в 1962 году и в 1968 году в качестве пособия для студентов в сокращенном варианте³⁹. Позже Собуль был переведен в университет Клермон-Ферран, где он продолжил преподавательскую деятельность. Также он служил редактором «Анналес историк де ла франсез», и часто читал лекции по всему миру, приобретая репутацию

³⁹ Мазорик К. Альбер Собуль, историк и гражданин / Пер. с фр. Ю.П. Крыловой // Французский ежегодник 2002: Историки Франции. К 100-летию В.М. Далина (1902-1985). М., 2002. С. 120-146. С. 124.

«ведущего французского специалиста по революции»⁴⁰. С октября 1967 года Собуль занимает пост руководителя Института истории Французской революции. С этого времени, как считает Клод Мазорик, начинается пятнадцатилетний период определяющего влияния Собуля на историографию революции⁴¹.

В своих трудах Альбер Собуль продвигал концепцию всеобъемлющей классовой борьбы как основы революции. Продолжая развивать концепцию более ранних своих предшественников, он приписывал себя к «классической» школе научной историографии наряду с Жоресом и Лефевром. Однако тем не менее именно Собуля считают едва ли не главным архитектором марксистской школы исторического анализа⁴².

Собуль выдвинул теорию о том, что террор был необходимым ответом на внешние угрозы (с точки зрения других стран в войну с Францией) и внутренних угроз (предателей внутри Франции, угрожающих сорвать революцию). В этой интерпретации, Робеспьер и санкюлоты были оправданы для защиты революции от ее врагов.

Эти положения Собуля и вся марксистскую модель французской революции попала под огонь критики с 1960-х годов. Франсуа Фюре и его последователи отвергли и доказывали, что внешняя угроза имела мало общего с террором. Вместо этого, чрезмерное насилие было неотъемлемой частью интенсивной идеологической приверженности революционеров – это было неизбежно и необходимо для достижения своей утопической цели, чтобы убить своих противников. Третьи, такие как Пол Хансон, заняли среднюю позицию, то есть, террор был вызван взаимодействием целого ряда сложных событий и внешней угрозы. Хансон считает, что террор не был присущ идеологии революции, но обстоятельства сделали его необходимым⁴³.

⁴⁰ Albert Soboul : biography. URL: <http://www.fampeople.com/cat-albert-soboul>.

⁴¹ Мазорик К. Альбер Собуль, историк и гражданин. С. 132.

⁴² Мазорик К. С. 138.

⁴³ Albert Soboul : biography. URL: <http://www.fampeople.com/cat-albert-soboul>.

Собуль подчеркнул важность *санкюлотов* как социального класса, оговаривая, что под классом он понимает, прежде всего, общее «классовое чувство» работников наемного труда. Несмотря на то, что у санкюлотов не могло быть «классового сознания», так как они вербовались из различных социальных слоев, они осознавали себя как отдельную группу, отличную от других по ряду признаков. Анализируя деятельность парижских секций, Собуль приходит к выводу, что это своего рода прото-пролетариат, который играл немаловажную роль в революционных событиях⁴⁴. Во вступительной статье к русскому изданию Манфред отметил, что Альбер Собуль, в отличие от своих знаменитых учителей, выбрал в герои не великих личностей, не Дантона, Лафаетта или Сиейса, а целую социальную группу – санкюлотов⁴⁵.

Собуль не обходит и тему интеллектуальной деятельности в XVIII веке. В статье «Философы и революция», изданной посмертно, в 1982 году, автор, как и многие до него, задается вопросом: что есть Революция с точки зрения идеологической? Мгновенный взрыв или век подготовки? В поисках ответа у философов, Собуль отмечает, что социальная мысль была больше связана с моральными и политическими теориями, лишь с теориями, чем с критическим изучением конкретных условий существования, которые можно было бы воплотить в жизнь. Примером этому могут послужить Руссо и Мабли: разоблачение отношений социального неравенства приводило их к утопии, а не к революции⁴⁶. Кроме того, проследив жизненный путь некоторых из активных авторов того времени, Собуль делает главный в статье вывод: революция выявила существенное противоречие между радикализмом их идей и политической умеренностью⁴⁷.

Альбера Собуля можно назвать последним «великим» историком-марксистом. Кризис марксистской идеологии, разворачивающийся в

⁴⁴ Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М. : Прогресс.1966. С. 32.

⁴⁵ Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. Вступительная статья З.А. Манфреда. М. : Прогресс. 1966. С. 18.

⁴⁶ Собуль А. Философы и французская революция // Французский ежегодник 1982. М. : Наука. 1984. С. 138-149. С. 139.

⁴⁷ Собуль А. Философы и французская революция. С. 142.

шестидесятые годы XX века, недоверие к ней и критика, повлекли за собой появление новых направлений в изучении французской революции и, возможно, подвели черту под исследованиями такого рода. Однако это не умаляет значимости трудов Соболя. Тема участия и значимости санкюлотов в революции, поднятая им, открыла еще одну веху в изучении природы событий конца XVIII века.

В завершении плеяды историков первой половины XX века стоит назвать Жака Годшо, историка французской революции и одного из основателей Атлантической революционной теории. Родившийся в 1907 году, он вступил на путь науки в переломное для французской историографии время. Несмотря на нарастающее внимание к социальным проблемам в исследованиях, интерес Годшо был прикован к политической истории. По совету своего учителя Матьеза, Жак Годшо приступил в 1920-х гг. к исследованиям еще слабо изученного периода революции – Директории. После кончины Матьеза он продолжил свою работу под руководством Лефевра, которого так же считал своим учителем. В 1933 г. он даже специально переехал в Страсбург, где работал Лефевр.

Наиболее продуктивным периодом в жизни Годшо становится то время, когда он начал преподавать в Тулузском университете, где с 1961 г. по 1971 г. занимал должность декана факультета. В Тулузе историк провел большую часть своей жизни и написал там свои основные труды. Являясь прекрасным организатором, он положил много труда в развитии исследований по истории Революции на юге Франции. В 1975-1985 гг. Годшо возглавлял Комиссию Французской революции при Международном комитете историков, а с 1959 г. и до конца своей жизни он был одним из сопредседателей Общества робеспьеристских исследований⁴⁸.

Одной из важных черт Годшо был его независимый характер беспартийного историка, не поддерживающего ни одно из направлений исторической науки и не считавшего себя приверженцем ни одной из

⁴⁸ Погосян В.А. Жак Годшо: взгляд со стороны // Рассказы и статьи. М., 1952. С. 234.

«школ». Один из его учеников К. Птифрер писал об этом, как об одном из достоинств. По свидетельству Птифрера, Годшо «восхищался одновременно и Жоресом, и де Голлем. Он с интересом следил за работами “школы Анналов”, не принадлежа к ней»⁴⁹.

Если говорить непосредственно о работе Годшо, то первое о чем стоит упомянуть это его теория «атлантической революции». Эта теория была выдвинута автором в 1955 году вместе с американским историком Р. Палмером на Римском конгрессе по историческим наукам, позже была развита и представлена в ряде трудов. Сразу же после оглашения теории историки подверглись жесточайшей критике, прежде всего со стороны марксистов.

В чем же суть теории. Наиболее емко и кратко она изложена в статье А. Собуля «Классическая историография Французской революции. О нынешних спорах», вышедшая в 1976 году, где автор цитирует самого Годшо: «Французская революция была якобы лишь «одним из аспектов западной, или, точнее, атлантической революции, которая началась в английских колониях в Америке вскоре после 1763 г. ее продолжением явились революции в Швейцарии, в Нидерландах, в Ирландии, а Франции она достигла между 1787 и 1789 гг. Из Франции она вновь совершила скачок в Нидерланды, охватила прирейнскую часть Германии, Швейцарию, Италию, Мальту, восточную часть Средиземноморья и Египет... Позднее она распространилась на другие европейские страны и на всю испанскую Америку. Следовательно, французская революция являлась составной частью «великой атлантической революции»⁵⁰.

Главная задача Годшо и Палмера доказать, что французская революция являлась лишь частью революции более глобальной, поэтому они не касаются изучения экономических или социальных аспектов темы. Значимость своей теории авторы видели в основном в историческое

⁴⁹ Погосян В.А. Жак Годшо: взгляд со стороны // Рассказы и статьи. М., 1952. С. 234.

⁵⁰ Собуль А. Классическая историография французской революции. О нынешних спорах / Пер. с фр. А.О. Зелениной // Французский ежегодник 1976. М. : Наука. 1978. С. 155-170.

обосновании необходимости блока НАТО, и осуждали ее в основном с политических позиций, так как теория была своеобразным «заказом» от политической обстановки во время Холодной войны. В этом, возможно, и заключается причина того, что во Франции теория не была успешна. Слова Альбера Собуля, возможно, наиболее четко передают отношение всей классической школы к атлантической теории: «Западная, или атлантическая, интерпретация Французской революции, лишая последнюю всякого ей присущего содержания – экономического (антифеодального и капиталистического), социального (антиаристократического и буржуазного) и национального (единая и неделимая) – сводит на нет полувековую классическую историографию, начиная от Ж. Жореса до Ж. Лефевра»⁵¹.

Более объективную оценку атлантической теории дал Мишель Вовель, к сожалению, уже после кончины Годшо. Он сделал упор на заслуги Годшо в расширении перспектив дальнейшего исследования о влиянии Революции на обширные географические пространства и подчеркнул важность данного метода в изучении революционной эпохи, так как это открывает новые горизонты в сравнительном исследовании революций в различных европейских странах⁵².

Теория Годшо и Палмера, претерпев определенные преобразования, «смягчившись» под воздействием критики, заняла свое достойное место среди прочих теорий, как еще одно возможное объяснение происхождения и сути Революции. Новизна их исследования заключается в том, что их подход позволял пролить свет на влияние Французской революции за пределами Франции, до того времени еще никем досконально не исследованного.

В середине XX века в мировой историографии в связи с переоценкой роли революции в истории Франции и Нового времени появляется новое течение – «ревизионизм» или «критическая» историография революции. Исторический ревизионизм в действительности естественный этап

⁵¹ Собуль А. Классическая историография французской революции. О нынешних спорах. С. 165.

⁵² Погосян В. А. Жак Годшо: взгляд со стороны // Рассказы и статьи. М., 1952. С. 234.

интерпретации прошлого, обозначающий смену идеологической парадигмы, требующую нового взгляда на перекрестные моменты истории. Он стал, с одной стороны, результатом постепенного ослабления силы исследований, проводимых в русле классической историографии, а с другой выражением более глобальной тенденции разочарования европейских интеллектуалов в левых идеях после 1968 г. Его родоначальником можно считать английского историка А. Коббена, который еще в 1955 г. отверг в качестве «мифа» восходящую к исторической мысли периода Реставрации «классическую» интерпретацию французской революции. Коббен покусился на самое дорогое в классической теории – на признание Революции как классового противостояния. Для него из этого утверждения выходит два вопроса: можно ли считать Революцию антибуржуазной и антифеодальной? И что, возможно, важнее: произошел ли резкий переход от старого порядка к новому или же старый порядок был давно мертв? Коббен вполне однозначно отвечает на эти вопросы. Он считает, что к началу Революции феодальный порядок давно исчез, а сама революция была делом рук не капиталистов, а буржуа⁵³.

Для того чтобы как можно более полно охарактеризовать концепцию ревизионистов, в первую очередь следует обратиться к одному из корифеев ревизионизма – французскому историку середины XX века Франсуа Фюре. Его работы, дерзко и язвительно критикующие марксистов, продолжили развитие концепции А.Коббена и новое направление в изучении истории Революции во Франции. Франсуа Фюре родился в 1927 году в буржуазной семье. Закончил гуманитарный и юридический факультеты Парижского университета, в 1954 блестяще сдает экзамены, и его назначают учителем в Компьене. В 1956 году Фюре начинает свою научную деятельность в Национальном центре научных исследований во Франции, где основной сферой его интересов становится французская революция. Примерно в это же время он начинает работать с французским еженедельным журналом «Новый обозреватель». Франсуа Фюре также активно занимался политической

⁵³ Собуль А. Классическая историография французской революции. О нынешних спорах. С. 168.

деятельностью: с 1947 года он являлся членом коммунистической партии, но в 1959 покидает ее и становится одним из основателей Объединенной социалистической партии в 1960 году. С 1966 г. он работает в Школе высших исследований в области социальных наук в Париже, где является Президентом в период с 1977 по 1985 год⁵⁴.

Наибольший резонанс в исторической науке вызвала книга Франсуа Фюре, написанная им вместе с Дени Рише. В 1965 году они опубликовали свою историю Революции, решительно отличавшуюся от традиционной концепции, и, как следствие, воспринятую «стражами революционной ортодоксии» как недостаточно соответствующую их убеждениям. Концепция, предложенная Фюре и Рише, отвергает, прежде всего, взгляд на Французскую революцию как на явление целостное, которое, несмотря на сложность и противоречивость своих компонентов, обладало общим историческим содержанием. Фюре и Рише достаточно вольно обошлись со священным понятием «буржуазной революции» и с идеей, что Революция была единым «блоком», то есть что 1789 год неотделим от Террора. Они «осмелились» рассматривать диктатуру II-го года как «пробуксовывание» и отказались оправдать Террор необходимостью и обстоятельствами (войной).

В своей работе Фюре и Рише подчеркивают, что революционные перемены были подготовлены высокообразованными, проникнутыми просветительской идеологией верхами – «элитами». Они считают, что в течение всего XVIII века общность идей и вкусов, светская жизнь сблизила аристократическую и буржуазную элиты. Им было свойственно одинаковое стремление к политической свободе и одинаковое предубеждение к народным массам и демократии. По мнению авторов, революция свершилась, прежде всего, в умах просвещенной элиты, а уже потом была перенесена в общественные отношения⁵⁵. Деятели 1789 года были во власти духа реформ, распространившегося повсюду, независимо от того, был ли он связан с

⁵⁴ François Furet: biography. URL: http://dir.md/wiki/François_Furet?host=en.wikipedia.org.

⁵⁵ Морщицина Л. А. Эволюция взглядов Франсуа Фюре на Великую Французскую революцию. 2000. URL: <http://larevolution.ru/evolution.html>.

аристократическим либерализмом или с буржуазным мышлением. Следовательно, считают авторы, должно было существовать некое «тактическое объединение против абсолютизма», временный союз различных руководящих социальных сил в течение предреволюционного периода. 1789 год был результатом роста сознательности элиты, т.е. это была революция просветителей, поскольку идеология составляет движущую силу истории.

Другим генеральным событием Революции явился ее «занос», как назвали это авторы. По мнению Фюре, в 1789 году произошли сразу три революции. Наряду с революцией «элит», названной им «победоносной», были еще революция парижан «которые восстают не для защиты Национального собрания и его завоеваний, это явилось лишь объективным следствием защитить самих себя»; и революция крестьян, «громко стучавших в двери буржуазной революции, которая не решается им открыть». «Революциям» Фюре и Рише свойственны оригинальность построений, нетривиальные характеристики и любопытные суждения. Например, о том, что движение низов на определенном этапе революции способствовало утверждению авторитарного государства, созданию жестокого репрессивного аппарата, который к концу якобинского правления все чаще оборачивался против самих санкционеров. Одновременно якобинские власти сдержали тот деструктивный натиск, который был характерен для санкюлотского движения и грозил вовлечь страну в хаос, анархию и войну⁵⁶.

Разумеется, столь вольная трактовка Революции, в духе Альфреда Коббена вызвала мощную волну критики. Ярким представителем оной являлся Жак Годшо, который критически высказывался не только о труде Фюре и Рише, но и о работах Фюре в целом. Так, например, можно отметить его скептическое отношение к «трем независимым, но одновременным

⁵⁶ Морщихина Л. А. Эволюция взглядов Франсуа Фюре на Великую Французскую революцию. 2000. URL: <http://larevolution.ru/evolution.html>.

революции» ревизионистов. Годшо считает, что единственным совпадением в это время – случайным, но повлекшим за собой большие последствия – было совпадение стихийных бедствий лета 1788 года, которые уничтожили урожай, и созыв Генеральных штатов. Однако, как отметит Годшо, эта проблема не была поднята Фюре и Рише. Кроме того, с их точки зрения, эти три революции «спутали последовательность реформ, установленную просвещенными дворянами и буржуа». По их мнению, крестьяне «заставили» депутатов полностью упразднить феодальный порядок, в то время как они просто хотели его смягчить⁵⁷.

Не менее известным стал труд Фюре «Постижение Французской революции» 1978 года, состоящий из нескольких отдельных его статей вышедших в 70-е годы. Этот труд носит историографический характер, где автор на примере детального разбора работ своих предшественников пытается прийти к объективной оценке событий 1789 года. Однако не всегда его суждения можно назвать сдержанными. Именно в «Постижении...» взгляды Фюре и его отношения к другим концепциям проявляются наиболее резко.

Например, Фюре считает, что в исторической науке появляется своеобразное сектанство в виде «ленинско-популистского принципа», которое иллюстрирует концепция Альбера Собуля, охарактеризовать которую можно так: историография, подменяющая гипотезу оценкой, причинность – результативностью, дискуссию – ссылкой на авторитеты. Книга Альбера Собуля «Цивилизация и Французская Революция» представляет собой идеальную иллюстрацию подобного типа истории. В ней автор пытается доказать, что все XVIII столетие вело к революционному взрыву, исходя из двух позиций: 1) кризис Старого порядка был основной чертой века; 2) кризис этот имеет природу социальную, поэтому изучать его следует через борьбу классов. «Философия, тесно соприкасаясь по своей

⁵⁷ Годшо Ж. Современное состояние изучения французской революции в странах Западной Европы и США // Французский ежегодник 1970. М. : Наука. 1972. С. 267-277. С. 267.

генеральной линии с историей, в соответствии с развитием экономики и самого общества способствовала этому медленному созреванию, внезапно завершившемуся Революцией, увенчавшей век Просвещения», – утверждает он⁵⁸. Фюре смотрит крайне скептически на такой подход к изучению Революции, полагая, что скрытых противоречий в обществе было гораздо больше, чем представляет Собуль.

На страницах своей книги Фюре не раз вступает с Собулем в ожесточенную полемику, безжалостно критикуя его подход. Так, например, ученые расходятся по вопросу феодализма в XVIII веке. Фюре с иронией говорит о том, что Собуль практически путает понятия «феодальный», «сеньориальный» и «аристократический». Вообще, Фюре не раз замечает, что концепция А. Собуля ничем не отличается от мыслей историков, заставших Революцию, то есть за прошедшие века она не продвинулась вперед, что Фюре находит странным.

Франсуа Фюре, отвечая на вызов Клода Мазорика, который весьма критично отнесся к его и Д. Рише труду «Французская Революция», подчеркивает разность их представлений. Мазорик располагает революционную идеологию 89-94 гг. по такой шкале, где за основу взята степень участия народных масс. Однако Фюре исходит из противоположного и придерживается той гипотезы, что революционные события по своей природе несут на себе очень сильный идеологический «заряд», и в них основной является роль маски реального процесса, исполняемая идеологией. Всякая революция это потрясающий умы разрыв, но в то же время и мощный подъем за счет прошлого. Первейший долг историка состоит в том, чтобы рассеять иллюзию о революции как основательнице, исполняющей конечное предназначение, как полагает Фюре.

Теперь стоит разобраться, какую роль в противостоянии между властью и господствующими классами играет культура. Фюре подчеркивает, что на момент написания его книги эта проблема была изучена мало. Он

⁵⁸ Там же. С. 270.

просто говорит о том, что известно, какие книги читали все, и дворянство, и буржуазия, а именно одни и те же. Также он считает, что в середине XVIII века зарождается «новая» интеллектуальная элита, которая будет играть немаловажную роль. Такое общество элит закрыто не только для низших классов, но и для большинства дворян. Этот неустойчивый и влекущий мир ума и чинов, остроумия и снобизма, все критикует и отрицает, в том числе (и прежде всего) самого себя, не осознавая того, он идет впереди глубокого переустройства и пересмотра элит и ценностей. Новое дворянство, юристы и особенно финансовые дельцы играют в нем первенствующую роль, образуя собой как бы мост, соединяющий это общество с тем миром, откуда они вышли. Таким образом, Фюре как бы подчеркивает тот факт, что революционные идеи будут бурлить в этих кругах. Здесь он вновь критикует Собуля в его упрощенном анализе, укоряя его в незнании текстов и философских парадигм.

Но и сам Фюре в некотором роде заблуждается. Пройдет еще десяток лет, и концепция Роберта Дарнтонa видоизменит подход Фюре. Дарнтон, основываясь на архивных материалах, докажет, что не столько эта «новая» элита и ее сборища в театрах, ложах и кафе будет нести революционные идеи, а литературное «дно» подожжет факел Революции. Причем сделает это в каком-то смысле случайно, так как изначально идея низшего литературного класса заключалась в свержении успешных литераторов, тех, кто наслаждался жизнью, живя на государственные пенсии и пособия⁵⁹.

В своей работе Фюре очень часто ссылается на Алексиса де Токвиля в первой части своей работы «Постижение Французской революции» под названием «Французская революция завершилась» и во втором разделе «Токвиль и проблема Французской революции» второй части «Три варианта Французской революции». Там Фюре приводит подробный анализ и свой взгляд на работы Токвиля, где соглашается с его концепцией и вписывает

⁵⁹ Дарнтон Р. Высокое Просвещение и литературные низы в предреволюционной Франции / Пер. с англ. Г. Дашевского // НЛО. 1999. № 37. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/37/darnton.html//>.

Революцию в очень долгую историю, историю медленного перехода от аристократического мира к миру демократическому. Следуя его мысли, акцент перемещается от логики классов к логике отношений между государством и обществом. И он допускает «кощунство», если можно так сказать, признав за абсолютной монархией главную роль в создании условий, сделавших Революцию возможной. Также Фюре соглашается с Токвилем в том, что оппозиция в конце старого порядка была порождена не классовыми конфликтами, а «нарушением равновесия между умом и верой: старый порядок оказался слишком старым для нового, что в нем уже возникло, а французы слишком вольнолюбивыми, чтобы сохранить рабство или, вернее, чувство рабства... Старый порядок был уже мертв к 1789 г.: революция могла убить его лишь в умах, потому что он существовал уже только в умах»⁶⁰.

Фюре обращается к трудам Огюстена Кошена, которого «из всех историков Французской Революции, возможно, недооценили более всего, хотя он посвятил этой теме всю свою жизнь», как считает автор⁶¹. Если революция не являлась следствием борьбы классов, если Старый порядок на самом деле уже был мертв к 1789 году, то объяснить революцию можно только заговором. Уже в первой части своей книги «Постижение Французской революции» Фюре говорит об идее заговора. Итак, кем же он мог быть затеян, этот заговор, если не «обществами мысли»? Об этом же говорил и аббат Баррюэль, а Огюстен Кошен попытался это доказать научно, методами, которыми его обучили в Школе хартий. Несмотря на то, что в момент появления работ Кошена, они вызвали серьезную критику Олара и Матъеза, Фюре восхищается его взглядами. Матъез писал о книге Кошена: «Эта систематическая концепция, ставящая целью доказать, что демократия, в силу самого закона своего существования, способна лишь подчинить человека обществу, поработить его мысль, его свободу, и его собственность».

⁶⁰ Фюре Ф. Постижение Французской революции / Пер. с фр. Д.В.Соловьева. СПб. : ИНАПРЕСС. 1998. С. 159.

⁶¹ Там же. С. 170.

Однако именно этот довод и вызвал восторг Фюре, посчитавшего, что О. Кошен наиболее точно понял природу якобинизма⁶².

Благодаря работам Фюре окончательно оформилась «ревизионистская» концепция революции, ограничивающая ее прогрессивное значение так называемой «революцией элит», т.е. периодом господства буржуазно-дворянского блока во время Учредительного собрания 1789-1791 гг., и либеральными преобразованиями в политической области. Напротив, народные движения, якобинское правление и социально-экономические свершения этого периода оценивались как реакционные аспекты революции, задержавшие поступательное развитие страны по капиталистическому пути.

«Революционные» взгляды Фюре породили волну критики. Так, Жак Годшо, представитель третьего поколения «школы Анналов», написал статью во Французском ежегоднике выпуска 1981 года, где, не скрывая своего скептицизма, отзывался о книге Фюре «Постижение Французской революции» как о весьма сомнительном труде. «Книга Ф. Фюре имеет изысканно-претенциозное заглавие – «Размышления о Французской революции» (другой вариант перевода названия «Постижение Французской революции»). Подобное название скорее подошло бы для труда, написанного одним из тех историков, которые провели всю жизнь в архивах, изучая историю революции. Ф. Фюре же знает революцию по некоторым диссертациям и книгам. Он опубликовал о ней только популярную работу, впрочем, в сотрудничестве с Д.Рише, работу интересную и имевшую успех, но более близкую к сочинению журналиста, чем к исследованию. Поэтому возникает вопрос: были ли у Фюре основания для «размышлений о революции»?»⁶³

Также в своей статье Годшо сравнивает книгу Фюре с книгой Ж.-М. Робертса, английского историка, которую и мы не можем обойти вниманием. В ней автор предлагает вниманию читателя две теории:

⁶² Там же. С. 198.

⁶³ Годшо Ж. О книге Ф.Фюре // Французский ежегодник 1979. М. : Наука. 1981. С. 257.

революция как разрыв и революция как непрерывность. Для него разрыв заключается, прежде всего, в Декларации прав человека, в августовских декретах 1789 г., уничтожающих «феодалный порядок», тяжесть которого он считает, впрочем, ничтожной, что объясняется его незнанием последних работ по этому вопросу. Затем он видит разрыв в выработке конституции, административном, юридическом, церковном законодательстве Национального собрания, а так же в войне, которой Робертс обоснованно придает большое значение и которая означала глубокий разрыв, ибо она «радикализовала» революцию. В противоположность Фюре Робертс думает, что война – одна из основных причин террора. Но деятельность Конвента представляла крайнее средство, позволившее Франции выжить. В то же время непрерывность. Революция, утверждает Ж.-М. Робертс, сохранила и даже возродила многое из прошлого. Были продолжены и даже усилены старания королевского правительства централизовать администрацию Франции. Здесь Робертс, как и Фюре, вспоминает Токвиля. Автор видит непрерывность с точки зрения «длительного цикла». Это касается и демографической ситуации, и экономической эволюции, и каждодневной жизни народа. Воззрения эволюционировали медленно. Несмотря на дехристианизацию и преследования церкви, основная масса народы была приверженцем церкви⁶⁴.

Вопрос, которым в конце задается Робертс как, впрочем, и Фюре, и Коббен: революция – это история или миф? Если непрерывность одерживает верх над разрывом, то революция является мифом. Сам Робертс приходит к такому выводу: «Очевидно, что революция в некотором роде создание историков. Более того, это создание, которое постоянно обновляется». И автор приводит в пример различные работы о происхождении революции. Робертс восхищается Берком и Токвилем. Соглашается с Карлейлем, который написал свою «Историю» в 1835 году, что революция не закончена, в чем прослеживается совпадение и с взглядами Фюре. Также как и Фюре,

⁶⁴ Годшо Ж. О книге Ф.Фюре // Французский ежегодник 1979. М. : Наука. 1981. С. 259.

Робертс отвергает марксистскую историю и критикует понятие «буржуазная революция», так как считает, что во Франции XVIII века не было буржуазии в том смысле, в каком ее понимали Маркс и Энгельс, то есть владельцев значительных промышленных и торговых капиталов⁶⁵.

Но если революция это не борьба классов, то неужели она все-таки плод заговора? И здесь Робертс, как и Фюре, приходит к мысли о тайных обществах. Но после тщательного изучения этой версии он приходит к выводу, что тайные общества, вероятно, слабо воздействовали на зарождение революции, а вот *вера в заговор* имела большие последствия. Робертс снова присоединяется к Фюре: если революция не результат заговора, то, по крайней мере, вера в заговор объяснят в большей степени революцию. Интересно, что работы Робертса и Фюре вышли примерно в одно и то же время во Франции и Великобритании. Но, несмотря на скептическое отношение к ним Годшо, они имеют в себе определенное зерно истины, признает он.

В заключении анализа взглядов Фюре можно сказать, что для него стало традицией при сохранении в главном прежних взглядов, видоизменять, порой существенно, саму концепцию Французской революции. Если в «Революции» и в «Постижении...» присутствует масса категоричных суждений, то в дальнейшем они теряют свою эмоциональную окраску. Им на смену приходят взвешенные, обоснованные выводы.

Без сомнения, концепция ревизионистов внесла новую струю в изучение французской революции, не только в плане исторических выводов, но и в плане методологии. Попытка пересмотреть социально-экономическую трактовку революции была не первой (мы помним о Кошене и Морне), но впервые эта попытка была достаточно успешной, чтобы подвинуть концепцию классиков с ее пьедестала. Нельзя сказать, что Фюре и его последователи были абсолютно правы в своих суждениях, достаточно часто мы можем наблюдать игнорирование некоторых фактов или излишнюю

⁶⁵ Roberts J. M. The French Revolution. Oxford University Press. 1978. P. 96.

критичность в высказываниях о других направлениях. Возможно, главная роль этого направления была именно в запуске процесса активного пересмотра старых понятий.

Таким образом, мы можем подвести итоги для данного периода. Это было время, наверное, самых ожесточенных дискуссий. Даже, несмотря на определенную эволюцию в лице Альбера Собуля, классическая школа сдает свои позиции. На мировую арену выходят атлантическая и ревизионистская концепции. По итогам споров этих трех ведущих направлений выковывается постмодернистский характер будущих исследований. Историки начинают понимать, что единого мнения по поводу истоков революции просто не может существовать. В каждой из трех концепций присутствует определенное зерно истины, но в то же время есть свои недочеты, поэтому обличение оппонента теряет смысл. В то же время этот период можно назвать последним, когда Революции пытались дать какую-то законченную трактовку, полностью ее объяснить. Работы следующего, современного периода уже не будут носить такой характер.

ГЛАВА 3. ДВЕРИ В НОВОЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ (НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОКОВ РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1980-1990 ГГ.)

После периода ожесточенных дискуссий во французской историографии наступает время своеобразного плюрализма идей. Новые теории уже не вызывают бурных споров, а воспринимаются более спокойно. Эволюционируют и смягчаются прежние концепции. Становятся популярными работы не связанные с политикой или какой-то определенной системой взглядов.

В этом плане стоит отметить совместную работу ревизионистов «Критический словарь Французской революции», выпущенную под руководством Франсуа Фюре, а вместе с ним и его соавтора французского историка и историка Французской революции Мону Озуф. Стоит немного рассказать о ее научной карьере.

Она является членом Центра исследований политики Раймонд-Арон в Школе высших исследований в области социальных наук (EHESS). Также до 1997 года, Мона Озуф являлась директором по исследованиям в национальном Центре научных исследований (CNRS). Она пишет для журнала «Новый Наблюдатель» и участвует в обсуждениях в журнале «Дебаты». Ее работы, в основном, связаны с государственной школой и Французской революцией, однако есть и работы посвященные феминизму во Франции⁶⁶.

Но вернемся к Критическому словарю. Это книга посвящена Французской революции и была опубликована в 1988 году. Приближалось двухсотлетие революции 1789 года, и, желая помешать коммунистам из миттерановского правительства освятить во время празднования якобинскую

⁶⁶ Mona Ozouf. Biographie. URL: <https://peoplelife.ru/212611>.

версию событий, Фюре вместе со своими единомышленниками Моной Озуф и Дени Рише выпустили пространный (1 200 страниц) словарь, в котором опроверг левую трактовку революционных событий. К этим трем специалистам были привлечены исследователи главным образом из EHESS, CNRS и зарубежные университеты. Обратим внимание сразу на важность группы политических философов (Л. Ферри, М. Гоше, П. Рейно, Б. Манин, а также Л. Жауме, автор, очень близкий к Ф. Фюре, фундаментальной работы по Якобинскому дискурсу и демократии) в методологических вариантах Ф. Фюре и М. Озуф. Фактически, присутствие этой группы конкретизирует предпочтение придерживаться методологий политических наук и систематически отказываться вклад других социальных наук, как считает Жак Гильхаум, автор рецензии на Критический словарь⁶⁷.

Историография занимает фундаментальное место в этой книге – ее можно найти почти во всех статьях из-за одной идеи: в историческом знании есть как кумулятивный аспект, так и некумулятивный аспект, потому что сегодня никто не может писать о революции, не принимая во внимание знания, которые были созданы за последние два столетия, особенно в течение этих двух десятилетий XX века, периода Мишле и Олара-Жореса.

Жан-Клемент Мартин, французский историк, в своей статье, опубликованной в журнале «Анналес историк де ла франсез» в 1991 году, дает сравнительный анализ «Критического словаря Французской революции» Моны Озуф и Франсуа Фюре и «Исторического словаря Французской революции» Альбера Собуля. По итогам такого сравнения, автор замечает, что словарь Озуф-Фюре в большей степени лишен догматизма, по своей структуре он открывает для читателя больший простор для собственного

⁶⁷Guilhaumou J. François Furet et Mona Ozouf, Dictionnaire critique de la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française. 1990. № 279. pp. 106-1090. URL: http://www.persee.fr/doc/ahrf_0003-4436_1990_num_279_1_1298_t1_0106_0000_2.

мнения. Такой подход к написанию словаря, конечно же, говорит о новизне взглядов авторов⁶⁸.

Также стоит упомянуть рецензию Жака Гильхаума на «Критический словарь», которая была опубликована так же в *Анналах Французской революции* в 1990 году, где он приходит к выводу, что Фюре и Озуф делают ставку, прежде всего, на политический аспект истории, а главный методологический критерий авторов этого труда это изучение «представления, которое революционеры создают своими действиями». Этот тип подхода предполагает, по сути, постоянное внимание между «работами» и революционной практикой, и исходит из отказа от идеологических наклонностей⁶⁹.

Новизна вклада ревизионистской историографии видна вокруг двух исторических моментов: момент 1789 года, где утверждается с самого начала политическая радикальность Французской революции, и Термидориан, время истины, восстановленное перед лицом Террора. Целью «Критического словаря» не является, навязыванием нового «готового к употреблению слова», историкам Французской революции. Напротив, путем частичного возвращения к изучению рефлексивных модальностей революционного действия, мысли в действии, такое критическое обязательство открывает королевский путь к анализу того, как революционное общество думает о своей политической новизне⁷⁰.

«Критический словарь Французской революции» по своим масштабам, пожалуй, является одной из самых крупных работ ревизионистской школы и по количеству материала, и по участию в работе исследователей. Стоит

⁶⁸ Martin J-C. François Furet et Mona Ozouf, *Dictionnaire critique de la Révolution française*, *Dictionnaire historique de la Révolution française // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1991. № 2. pp. 328-334. URL: http://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1991_num_46_2_278947_t1_0328_0000_002.

⁶⁹ Guilhaumou J. François Furet et Mona Ozouf, *Dictionnaire critique de la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française*. 1990. № 279. pp. 106-109. URL: http://www.persee.fr/doc/ahrf_0003-4436_1990_num_279_1_1298_t1_0106_0000_2.

⁷⁰ Guilhaumou J. François Furet et Mona Ozouf, *Dictionnaire critique de la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française*. 1990. № 279. pp. 106-109. URL: http://www.persee.fr/doc/ahrf_0003-4436_1990_num_279_1_1298_t1_0106_0000_2.

сказать еще о нескольких ученых, последователей и учеников Франсуа Фюре, Моны Озуф и Дени Рише.

Доктор исторических наук Патрис Ганифе в настоящее время является директором Центра исследований политики в Раймонд-Ароне (CRPRA), который является центром исследований Школы высших исследований социальных наук (EHESS) и CNRS. Ученик Франсуа Фюре, считается «одним из лучших знатоков современных » Революции и Империи, в частности, известен тем, что издал «монументальную» биографию Наполеона Бонапарта⁷¹.

Ран А-Леви имеет двойную лицензию, Истории и французской литературы, еврейского Университета в Иерусалиме (1975), степень магистра истории Сорбонны, полученную в 1976 году под руководством Мориса Агулхона и докторскую по теме политическая история Школы высших исследований в области социальных наук, которую он защитил в 1981 под руководством Франсуа Фюре. Ран А-Леви является директором по исследованиям в CNRS, связанный с Центром исследования политики Раймонд Арон. Кроме того, он директор коллекций в издательстве «Галлимард». Также А-Леви регулярно публикует анализ политики в газете «Ле Фигаро». Его исследования и основы его работы носят по истории политики Старого Режима к французской Революции, равно как и по истории политики Израиля. Вместе с Франсуа Фюре они выпустили «Ораторы французской Революции» в "Библиотеке Плеяды» (1989) и «Монархии республиканской» (1996)⁷².

Таким образом, подводя итог данной коллективной работе, можно сказать, что Критический словарь Французской революции и его авторы внес большой вклад в развитии концепции ревизионистов. К 200-летию Французской революции он с одной стороны подводит черту, как фундаментальный труд, наполненный, прежде всего, богатейшим

⁷¹ Patrice Gueniffey. Biographie. URL: <https://www.franceinter.fr/personnes/patrice-gueniffey>.

⁷² Ran Halévi. Wikipédia en Français. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Ran_Halévi.

фактологическим материалом, а с другой делает «центральное убеждение Французской революции о том, что в ней заключен разрыв с прошлым, наблюдаемой и многогранной реальностью.

На рубеже 80-90х годов XX века под влиянием социальной истории и истории ментальностей произошло обновление интеллектуальной истории. Главной отличительной чертой данного направления является признание тесной связи между идеями и средой, где он развивались, трансформировались или прерывались. Новой основной позицией стал отказ от ограничения теоретико-методологических перспектив какой-либо одной научной концепцией.

На этой волне историки вновь вернулись к исследованиям связи Просвещения и Революции, начатым еще Морне в 30-е годы. Здесь стоит отметить двух историков, работы которых стали наиболее перспективными в этом направлении. Это французский историк Роже Шартье и американский исследователь Роберт Дарнтон, которых связывает не только личная дружба, но и общий научный интерес.

Роже Шартье родился в 1945 году в Лионе. В 1964-1969 годах он учился в Высшей школе Сен-Клу, а также параллельно прослушивал полный университетский курс в Сорбонне. В 1969 году получил диплом с отличием по специальности «преподаватель истории». В качестве почетного профессора в 1969-1970 годах Шартье преподавал в парижском лицее Луи Великого и в этот же период получил должность помощника на кафедре истории нового времени в Парижском университете. Затем он работал в качестве старшего преподавателя в Высшей школе общественных наук (EHESS). Впоследствии он вплоть до 2006 года исполнял там обязанности доцента, а потом и заведующего учебной частью. В 2006 году он также был назначен почетным профессором Коллеж де Франсез и возглавил кафедру «Письменность и культура в Новое время»⁷³.

⁷³ Roger Chartier. Wikipédia en Français. URL: <http://fr.academic.ru/dic.nsf/frwiki/1445864>.

Роберт Дарнтон – американский историк, занимающийся в основном историей печати и книжной культуры в Европе, прежде всего Франции. Родился в 1939 года в Нью-Йорке, но своим литературным отечеством считает Францию. Получив степень бакалавра в Гарвардском университете и стипендию для учебы в Оксфорде, он был в Англии внештатным корреспондентом «Таймс», а летом замещал ее репортеров в лондонском представительстве. Кроме того он был приглашенным профессором в Оксфордском университете, университете Уорика, в Коллеж де Франс, в Школе высших исследований в области социальных наук в Париже. В 1989-1990 годах он находился в Институте перспективных исследований. С 1987 по 1991 Дарнтон был президентом Общества исследований XVIII века, а в 1999 президентом Американской исторической ассоциации⁷⁴.

Работы Шартье и Дарнтон в основном посвящены эпохе Просвещения, он исследует историю печатного дела, культуру чтения и литературы. В отличие от классической истории, их интересуют не сами работы и книги того времени, а то, как они распространялись среди общества, читались, какие вызывали чувства и настроения среди простых обывателей. Также большое количество работ посвящено выявлению культурных причин Великой французской революции, в какой среде зародились революционные мысли, чем они были спровоцированы, и как назрел общественный взрыв.

В одном из своих крупнейших трудов «Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории Франции» Дарнтон освящает проблему отношения различных сословий к кризисной ситуации во Франции. Этот труд уникален тем, что автор не показывает жизнь сословий во время Революции, а до нее. Более того это не просто анализ экономической,

⁷⁴Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории Франции. Приложение: История, антропология и журналистика. Интервью с Робертом Дарнтоном. М., 2002.

политической или социальной ситуации, а попытка проникнуть в психологическое состояние рядового француза конца XVIII века.

Так, например, в главе, посвященной крестьянам, Дарнтон поднимает следующие проблемы: сложности в бытовой крестьянской жизни, проблема отношений между крестьянином и феодалом и, наконец, проблема участия крестьян в революции, их позиции и мотивы. Данные проблемы плавно перетекают одна в другую, и уже сложно выделить нечто обособленное, не затрагивая всего комплекса.

Стоит сказать, что к жизни крестьянства непосредственно до революции обращались немногие: Роберт Дарнтон, Жорж Лефевр, отечественный историк А.В. Адо. В основном историки говорят об участии крестьян непосредственно в самой Революции, Лефевр и Адо обращаются к аграрным вопросам, приводя внушающую статистику учета земель, податей и прибыли крестьян на мануфактурах, то есть, затрагивая исключительно материальную сторону жизни. Но тем интересен труд Дарнтон. Он обратился к тому, что до него не изучал ни один историк – историю мировосприятия крестьян, их мысли, их чувства накануне событий 1789 года. Для изучения столь эфемерной части человеческой истории автор анализирует фольклорные произведения, как источник, который мощно отражает взгляды простого народа.

Историческая концепция Роберта Дарнтон вносит абсолютно новую струю в исследование причин участия крестьян в Великой французской революции. Его исследование в области «ментальной истории» показывает нам человеческий, субъективный взгляд на события. Несмотря на то, что жизнь крестьян накануне событий 1789 года была непомерно тяжелой, их умы не грезил установлением нового порядка.

Глава, посвященная рабочим, представляет собой еще более уникальное исследование, так как до Дарнтон к этой теме еще никто не обращался. На основании рабочего фольклора, который являлся, по его мнению, непосредственным проводником мыслей и желаний данного

сообщества (по аналогии с крестьянским фольклором), немногих сохранившихся записей дневникового характера и статистических данных автор приходит примерно к тому же выводу, что и по крестьянам: рабочие не грезили Революцией. Как и у крестьян, у рабочих был тяжелый образ жизни, и темнее менее выступления против «хозяев» сводились к их высмеиванию, причем исключительно в своем узком рабочем кругу.

Так же Дарнтон в некотором роде развеивает миф о «буржуазности» революции. На основании архивных и статистических данных он приходит к выводу о том, что, во-первых, количество буржуа для конца XVIII века было не таким значительным, как рисовали это сторонники классической школы, особенно в начале века. Во-вторых, их убеждения были скорее консервативного характера, нежели революционного.

Но если эти три сословия не мыслили о каких-то резких переменах в жизни, закономерно вырастает предположение, что именно среда интеллектуалов и распространение их идей породила Революцию. Традиционно считается именно так, что из Просвещения выросла французская революция. Но действительно ли это так?

Самым распространенным представлением является взгляд на Революцию, непосредственно проистекавшую из Просвещения, которое, в свою очередь, изображается цельным, как мощный таран, направленный на разрушение традиционного общества и монархического государства. Такого взгляда придерживается Д. Морне, историк тридцатых годов XX века.

Роже Шартье, прямой последователь Морне, напротив, считает, что подобное отношение к Просвещению непозволительно, так как о единстве и однородности Просвещения говорить нельзя, потому что в области философии сталкивались различные взгляды на общественное и политическое устройство. Кроме того, мировоззрение просветителей отличалось от их же конкретных планов перемен. Наконец, Просвещение это не только идеи, но и многие виды деятельности, основанные на заботе о процветании людей - в свете новых представлений о мире. В общем,

проступают контуры достаточно сложного явления: мысли и высказывания сочетаются с разного рода практиками; они не собраны воедино, а, напротив, связаны между собой часто слабо или косвенно, а то и вообще противостоят друг другу⁷⁵.

Концепция Альбера Собуля в некотором роде перекликается с взглядами Шартье: в основном философы (кроме Монтескье), считает Собуль, сохранили статический взгляд на общественные отношения. Социальная мысль была связана скорее с моральными и политическими ториями, чем с критическим изучением конкретных условий существования. Спекулятивный и морализаторский подход был общераспространенным, абстрактные утверждения чаще всего преобладали над конкретным анализом явлений, и, в конце концов, утопия доминировала над критикой. Такая концепция общественных отношений исключала всякую идею Революции. Примером философов, которые придерживались данной концепции, Собуль приводит Руссо и Мабли⁷⁶.

Роберт Дарнтон рассматривает влияние просветителей в Революции несколько иначе. Так же как и Шартье, он считает, что о Просвещении нельзя говорить, как о монолитном, цельном конгломерате взглядов и позиций. Дарнтон полагает, что в среде философов и литераторов идет жестокая война за выживание, за место «под солнцем». Новизна его работ заключается в том, что он один из первых спустился с высот высокого Просвещения с его утопическими взглядами и великими целями до «литературных низов», литературного «отребья», как отзывается о бедных литераторах Вольтер. Он отмечает, что вершина интеллектуальной истории описана настолько часто и хорошо, что стоит попробовать новое направление, то есть «спуститься в нижние этажи Просвещения, а может быть, и проникнуть в его подполье»⁷⁷.

⁷⁵ Блуменау С. Ф. Просвещение и проблема истоков Французской революции: современное видение // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 155- 161. URL: <http://istorja.ru/forums/topic/1167-s-f-blumenau-prosveshhenie-i-problema-istokov-frantsuzskoy-revoljutsii-sovremennoe-videnie/>.

⁷⁶ Собуль. А. Философы и Французская революция // Французский ежегодник 1982. М.: Наука. 1984.

⁷⁷ Дарнтон Р. Высокое Просвещение и литературные низы в предреволюционной Франции / Пер. с англ. Г. Дашевского // НЛО. 1999. № 37. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/37/darnton.html//>.

Проникнув и изучив «литературное дно», Дарнтон приходит к выводу: писательская вселенная расколота на два непримиримых мира, мир литературных бонз и мир отребья. Зададимся вопросом: что послужило почвой для подобного яростного конфликта? Чтобы разобраться в этом, стоит изучить, какую жизнь вели «великие просветители» и те, кто претендовал на их место.

В то время, когда «любимцы судьбы», знаменитые писатели и философы, получившие правительственные sinecures, нежились в светских кругах, тем, кому повезло меньше, приходилось выживать на улице, а если быть точнее, то на «чердаках и мансардах». Все потому что Париж не мог вместить в себя всего потока провинциалов, которые возомнили, что только талант позволит им пробиться наверх, к славе и почету. После многочисленных отказов в финансовой помощи и работе, отчаявшиеся молодые люди, стремящиеся забыть о своем незнатном происхождении, начинают заниматься самыми грязными делами, только бы прокормиться: шпионить для полиции, писать порнографию или оскорбительные памфлеты и пасквиль в адрес государства и «света». Однажды заклеянные «литературным отребьем» они больше не могли претендовать на место в приличной газете или учительствовать в благородной семье.

Вполне очевидно, что те, кому не досталось место «под солнцем» в виде привилегии печатать свои труды законно, ненавидели тех, кто этого удостоился. Чувство неприязни к «свету» рождалось не только из зависти. Сама жизнь в темных закоулках Парижа, среди «отбросов общества» неминуемо вела к деградации личности. В последние годы Старого порядка эта ненависть и обида достигла своего апогея. Оружием писатели выбрали «пасквиль» - произведение, содержащее заведомо клеветнические нападки на определенное лицо и через него на группу, партию и так далее, которое оно представляет⁷⁸. Они поносили все, что только могло попасть в их поле зрения: государство, короля, церковь, армию, вельмож и дворян, весь

⁷⁸ Пасквиль. Литературный словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3593/Пасквиль/.

«высший свет». Так как пасквили касались лиц самого знатного происхождения, на их авторов была открыта самая настоящая охота. Литературные провинности не остаются безнаказанными, ведь именно в 1750-1779 годах заточение в Бастилию «по книжному делу» достигает апогея.

Но были ли подобные сочинения открытыми призывами к Революции? Возможно, уместным было бы сначала узнать, а были ли читатели у памфлетистов?

Чтобы ответить на этот вопрос, стоит обратиться к некоторой статистике, которую приводит Роже Шартье в своем произведении «Культурные истоки Французской революции»: «Для начала приведем самые общие сведения. Издатели предлагают ставшим более многочисленными и более жадными до книг читателям совершенно новую продукцию. Что же касается читателей, то главной переменной, безусловно, является не столько общий рост грамотности (за сто лет, с 1686-1690 гг. до 1786-1790 гг., процент грамотных вырастает с 29% до 47% среди мужчин и с 14% до 27% среди женщин), сколько проникновение печатного слова в те слои общества, где почти не было его потребителей. В самом деле на протяжении столетия вырос и процент покупателей книг, – в частности, среди городских ремесленников и мелких торговцев, – и размеры домашних «библиотек». Если в начале века в Париже только 30% описей имущества умерших слуг и 13% описей имущества умерших рабочих содержат упоминание о книгах, то в 1780 году эти цифры составляют уже соответственно 40% и 35%. На западе страны процент описей имущества умерших, где упоминаются книги, вырастает между концом XVII и серединой XVIII века с 10% до 25% в наследствах, оцениваемых до 500 ливров, с 30 и менее процентов до 40 и более процентов в наследствах, оценочная стоимость которых 500-1000 ливров, с 30% до 55% в наследствах, оцениваемых в 1500-2000 ливров, и с 50% до 75% в наследствах, оценочная стоимость которых превышает 2000 ливров. Одновременно с расширением круга читателей увеличиваются

размеры домашних библиотек: между концом XVII века и 80-ми годами XVIII века библиотеки отдельных буржуа вырастают с 1—20 томов до 20-100 томов, библиотеки духовных лиц с 20-50 до 100-300 томов, библиотеки дворян и судейских – с 1-20 до 300 и более томов. Недавно выучившиеся грамоте еще не стали покупать книги в большом количестве (это относится в первую очередь к деревне, где выбор произведений, распространяемых книгоношами, пока еще довольно скуден), но городской книжный рынок, несомненно, расширился, поскольку более многочисленные читатели требовали все больше печатной продукции...»⁷⁹

Как мы видим из цифр, приведенных Шартье, постоянное чтение спустилось в простой народ, который требовал все больше пищи для ума. Подготовленные взрывом таких работ, как «Философские письма» Вольтера, «Энциклопедия» Дидро, «Новая Элоиза» Руссо, и прочими трудами просветителей, умы горожан и буржуа, уже пошатнувшиеся в вере в незыблемость монархии и церкви, были отличной почвой для совершенно революционных разоблачений «света» в произведениях памфлетистов.

Однако вернемся к основному вопросу, что именно послужило толчком к Революции? Дарнтон не отрицает влияние всего Просвещения на умы людей, но подчеркивает, что пока второе поколение философов, приемники Вольтера и Дидро, жирели в вольтеровской церкви, революционный дух перешел к тощим и голодным обитателям литературного дна, к культурным париям, которые, в нищете и унижении, создали якобинскую версию руссоизма. В грубых памфлетах литературного дна революционными были и пыл, и смысл. В них выразилась страсть людей, ненавидевших Старый режим всем сердцем, больных ненавистью к нему. В этой утробной ненависти, а не в утонченных абстракциях сытой культурной элиты обрела свой подлинный голос крайняя якобинская революционность.

⁷⁹ Шартье Р. Культурные истоки Французской революции / Пер. с фр. О.Э. Гринберг. М. : Издательский дом «Искусство». 2001. С. 189.

Таким образом, мы видим новый взгляд в извечном вопросе истоков Революции – концепцию Роберта Дарнтонна о революционерах со «дна». На примере множества фактов, автор показывает, что семя переворота создают Великие просветители, однако роняют его именно выходцы из «литературного отребья».

Теперь вернемся к Шартье, который как раз таки исследовал «почву» для революционного семени, то есть, как распространялись идеи просветителей среди разных слоев людей. В своих исследованиях Шартье продолжает начатую тему Морне, однако благодаря более широкой источниковой базе и современным методам он во многом превзошел своего предшественника.

Главный вопрос, ответ на который искали оба исследователя: могло ли Просвещение породить Революцию? Морне однозначно говорит, что именно так и было. Но Шартье опровергает этот тезис. Общество он видит не безликой массой, которая принимает в себя какие угодно идеи, а живой организм, который воспринимает их, перерабатывает и анализирует. Отталкиваясь от понятий и категорий, принятых в современной науке, ученый апеллирует к представлениям об «общественном пространстве», не знавшем ни иерархии, ни сословных перегородок, свойственных Франции той поры. Причем не существовало каких-либо запретных тем, все, от политики до религии, подвергалось критике. Однако это было не все французское общество, а лишь малая часть, обладавшая «имуществом и культурой». Влияние общественного мнения огромно, хотя оно и не обладает юридически властными функциями, орудиями подчинения и принуждения. С ним вынуждены были считаться и короли, и официальные структуры, говорит нам автор⁸⁰.

Вопрос о том, породило ли Просвещение революционный переворот легко переформулируется в другой: могут ли книги произвести революцию? Именно так называется одна из глав труда Шартье, где он всесторонне

⁸⁰ Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. С. 48.

разбирает гипотезу, в пользу которой, казалось бы, многое говорит. На протяжении XVIII века сильно выросло число читателей: как показывают посмертные инвентари, с одной стороны, заметно пополнялись библиотеки нотаблей; с другой – книга сделалась в городе необходимым атрибутом жизни не только мелких лавочников и ремесленников, но и наемных работников⁸¹. Чтение перестало быть «священнодействием». Круговорот спроса и предложения книжной продукции заставлял печатников и литераторов печатать все больше и соответственно читателей читать все больше. Поэтому времени обдумать каждое произведение, каждый пасквиль или памфлет не оставалось. Они уже не вызывали такую бурю эмоций, как по одиночке. К тому же читать их необходимо было немедленно, пока они не потеряли своей актуальности. Безграничное доверие читателей к книге уступило место изначально критической позиции. «Читать – еще не значит верить», – убедительно заключает автор⁸².

Шартье вообще критически воспринимает утверждение о неразрывной связи между напором обличительной литературы и падением авторитета монархии. Ведь чтение одних и тех же книг не приводило к тождеству взглядов читателей. Руссо высоко ценили и плебеи, и аристократы, и буржуа, в том числе, и политические враги: революционеры и контрреволюционеры. В библиотеках эмигрантов, конфискованных революционными властями, находили немало трудов этого мыслителя. Противники революции, заточенные в тюрьмах, нередко перечитывали книги просветителей, ту же Энциклопедию. Поэтому Шартье считает, что было бы ошибкой выводить мнение людей из того, что они читают. Он предлагает поменять причину и следствие: не книги просветителей породили критику монархии, а наоборот – недоверие, отход от монарха даровал успех книгам.

Причину этого глубинного изменения в сознании Шартье видит в падении авторитета церкви и замещении ее государственными интересами. В

⁸¹Блуменау С. Ф. Просвещение и проблема истоков Французской революции: современное видение // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 155-161. С. 157.

⁸² Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. С. 95.

действительности это длительный процесс, зародившийся раньше интереса к философическим трудам. Уже с XVI века политика подчиняет себе и использует религию, не затрагивая при этом культа и его обрядов. Во второй половине XVIII столетия легко обнаруживаются приметы дехристианизации – равнодушия и скептицизма по отношению к вере: от роста внебрачных рождений до слабой притягательности сана священника, а тем более пострига в монахи. Шартье настаивает, что антиклерикальные настроения распространились по всей стране.

Несомненно, что Французской революции, как и Английской, способствовали широкое обращение к праву и правовой критике старой государственно-политической системы. Непосредственно автор ведет речь о том, что связано с выборами в Генеральные штаты в 1789 году. Убедительно, с помощью цифр, он доказывает, что юристы прочно держали всю процедуру в своих руках: руководили избирательными собраниями, составляли и редактировали указы. Сама структура этих документов, их разделение на пункты и нумерация говорят о воздействии традиционной правовой культуры. О том же свидетельствуют и язык наказов, и понятийный их аппарат. Обычная юридическая лексика преобладала здесь над формулами из словаря философов. В посвященном этому параграфе, как и во всей работе Шартье, проходит, хотя и не всегда явно, мысль, что успехи Просвещения и «философических книг» вторичны по отношению к разнообразным и более ранним формам оспаривания и вызваны именно ими. Но ученый далек от крайностей, от пренебрежения просветительской идеологией. Он специально оговаривает, что защита свободы личности основывалась не только на старой юридической традиции, но и на новой философии прав человека. Два других тезиса Стоуна – о недоверии к авторитетам и о несовместимости представлений и идеалов Страны с позицией Двора, примененные для объяснения французской истории XVIII в., не вызывают сомнений. Будучи иначе сформулированными, они находили отражение в традиционной историографии. У самого Шартье соображения о непопулярности

придворных кругов тесно увязаны с размышлениями о десакрализации королевской власти⁸³.

В конце Шартье возвращается к изначальному вопросу о связи Просвещения и Революции и считает, что оба эти феномена должны быть вписаны в более широкий и длительный отрезок. Речь идет о процессе становления нового мира, отличного от прежнего с его традиционным религиозным послушанием и верой в божественное происхождение королевской власти. В этой перспективе Просвещение и Революция находились на одной магистральной линии развития: питались схожими надеждами, добивались одинаковой цели.

В заключении и послесловии Шартье возвращается к фундаментальному вопросу о связях Просвещения с Революцией и их роли. Ясно формулируя концепцию, проведенную в книге, и поддерживая мнение выдающегося историка культуры А. Дюпрона, автор вписывает оба феномена в более широкий и длительный процесс. В общем такое видение не вызывает возражений. Но, возможно, ход событий не выглядел столь плавным и эволюционным. Ослабление религиозности, "потускневший" образ монарха, политизация народного сознания способствовали качественному скачку середины XVIII века, подъему движения на новый более высокий уровень, что и отразилось в формировании общественного мнения, достижениях философской мысли, широком распространении и резкости обличительной литературы. Результатом же воздействия этих факторов стал дальнейший рост критических настроений и возникновение обстановки, делавшей революцию возможной. Труд Шартье – интересный синтез, глубокое осмысление накопленного наукой о состоянии и развитии идеологии, культуры, умонастроений в XVII-XVIII веках. Он особенно значим для отечественной историографии, до сих пор почти не касавшейся

⁸³ Блуменау С.Ф. Просвещение и проблема истоков Французской революции: современное видение // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 155-161. С. 159.

проблематики религии, менталитета и политической культуры французов той эпохи.

Роберт Дарнтон и Роже Шартье – представители нового поколения историков-постмодернистов. Их концепция с одной стороны подводит собой черту под XX век. После нее характер исторических исследований будет разительно отличаться от того, что было в предыдущем столетии. Он станет более «мягким» и, возможно, не таким глобальным. То есть историки уже не стремятся охарактеризовать весь феномен Революции целиком и дать ему какую-либо окраску, но пускаются в активное изучение частных проблем. Поэтому с другой стороны это дверью в новое тысячелетие.

Но если дискуссия о Революция закрыта, о чем же пишут современные историки? Мы проанализировали контент журнала «*Annales historik de la fransez*» с 1990 года по наши дни и выявили несколько групп тем, к которым обращаются чаще всего.

Несмотря на то, что дискуссионных моментов касательно причин Революции уже не возникает, историки не оставляют данную тему. Это ряд статей посвященных разбору политики Людовика XVI, влияние на него Марии-Антуанетты и ее разгульный образ жизни, образовавший внушительную дыру в казне⁸⁴. Также это работы о министерских реформах Неккера, Колона и их восприятию в обществе; разрастающемся антиклерикализме⁸⁵ и наоборот повышающемся влиянии философов. Х.Люверс в книге «Практика сетей и рабочее общение во время французской Революции», говорит о пересмотре места человека в историческом процессе, вставке Революции в хронологические рамки и преодолении оппозиции между разрывом и непрерывностью данных событий⁸⁶. Таким образом, можно сделать вывод, что на современном этапе изучения причин

⁸⁴ Félix J. Louis XVI et Marie-Antoinette. Un couple en politique. P., Payot. 2006.

⁸⁵ Bourdin P., Boutry P. L'Église catholique en Révolution : l'historiographie récente // *Annales historiques de la Révolution française*. 2009. №355. URL: <http://ahrf.revues.org/11382>.

⁸⁶ De Mathan A. La Révolution à l'œuvre. Perspectives actuelles dans l'histoire de la Révolution française // *Annales historiques de la Révolution française*. 2006. № 346. URL: <http://ahrf.revues.org/11382>.

Революции историки не отдают предпочтение ни одной из групп, это целый конгломерат предпосылок, где каждый их факторов сыграл свою роль.

Кроме того это группа статей и целых выпусков, посвященных новому конституционному строю времен Революции и всему, что его касалось, то есть это социальное восприятие, восприятие в Париже и провинции, восприятие за рубежом и т.д. Также это статьи, посвященные более узким вопросам, таким как конституционные суды, либерализация, республиканизм во Франции и проч. Кроме того сюда можно отнести работы касающиеся социальных перемен в обществе и как они связаны со сменой государственного строя.

Вторая группа представлена в основном целыми выпусками журнала: это взаимоотношения Франции революционной, республиканской и империалистической с другими государствами. Здесь присутствуют такие страны как Германия, Османская империя, Северная и Латинская Америка, Италия и Испания. Также в эту группу можно отнести многочисленные статьи посвященные взаимоотношениям Парижа и провинции.

Третья группа отражает неослабевающий интерес к известным личностям времен Революции, Террора и Империи. Огромное количество статей посвящено Марии-Антуанетте, Робеспьеру и Наполеону. Несколько меньше посвящено Руссо, Марату, Кондорсе, Корде и другим особам. Также это статьи посвященные философам и их влиянию на общественность.

Четвертая группа дает представление о культуре и религии этого периода. Здесь представлены статьи о театре, литературе, музыке. В подразделе литературы, если такой можно выделить, можно выделить статьи о памфлетах и прессе и их влиянии на общество. Кроме того это исследования о религии, судьбах священников, дехристианизации общества и т.д.

Пятой группой можно выделить историографические работы, посвященные историкам XX века и их анализу. Это, прежде всего, такие корифеи исторической науки как Жорес, Матъез, Олар, Лефевр, Собуль. Не

ослабевают внимание к работам Фюре и Рише. Также присутствуют работы влияния АНРФ и SER на историческую науку.

И к последней выделенной нами группе можно отнести статьи посвященные перспективе изучения и важности преподавания истории Революции, причем эти темы стали подниматься преимущественно после 2005 года. В 2005 году Жан-Клемен Мартен в книге о перспективах изучения революции приводит краткий анализ выступлений на коллоквиуме, посвященном 215-летию Революции. Например, Жан-Пьер Жассен в книге «История социальной Революции, между сомнением и продлением», говорит о том, что изучение условий жизни, социальных стратегий, социальных и профессиональных группы, из которых образуется общество, необходимо. Социальной история ускользает в любой интерпретации глобальной Революции, а понятие «буржуазная революция» может это исправить⁸⁷. Также историков-преподавателей тревожит тот факт, что часы на эту тему укорачиваются, поэтому преподаватели вынуждены отказаться от хронологически-последовательного изучения и останавливаться только на основных периодах: 1789-1791 гг., 1792-1794 гг. и 1799-1804 гг., где упор делается на важнейших событиях и личностях⁸⁸.

Таким образом, современная историческая наука характеризует предпосылки революции как целый конгломерат всевозможных причин, социальных, экономических, политических и культурных. Это процесс подготовки к революции длительный и, вероятно, весь век готовил страну к такому исходу. Возможно, в какой-то мере имело место и простое совпадение, ведь предсказать неурожай 1789 года или слабость характера Людовика XVI было бы невозможно. В любом случае это событие в истории Франции навсегда останется одним из самых ярких и неоднозначных.

⁸⁷ De Mathan A. La Révolution à l'œuvre. Perspectives actuelles dans l'histoire de la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française. 2006. № 346. URL: <http://ahrf.revues.org/11382>.

⁸⁸ Deleplace M., De Cock L., Jessenne J-P., Grenouilleau O., Sottocasa V., Talon C. Enseigner la révolution française au début du xxie siècle // Annales historiques de la Révolution française. 2012. № 368. p. 163-182. URL: <http://ahrf.revues.org/13874>.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революция привела к краху Старого порядка и утверждению во Франции нового, более демократичного и прогрессивного общества. Ослабление религиозности, «потускневший» образ монарха, политизация народного сознания способствовали качественному скачку середины XVIII века, подъему движения на новый более высокий уровень, что и отразилось в формировании общественного мнения, достижениях философской мысли, широком распространении и резкости обличительной литературы. Результатом же воздействия этих факторов стал дальнейший рост критических настроений и возникновение обстановки, делавшей революцию возможной. С итогами Революции, кажется, все понятно.

Однако причины Французской революции еще долго будут будоражить умы исследователей. С появлением новых еще не изученных источников, более совершенных методов исследования, мы будем находить еще неизвестные зацепки и подтверждения тем или иным гипотезам. Смена идеологий, как это было в начале XX века в СССР, будет приводить к рассмотрению уже известных материалов через призму других взглядов.

Мы проанализировали историографию XX века, прошли вместе с ведущими историками их путь, проследили за появлением, расцветом и затуханием основных школ и концепций и пришли к выводу, что все они, в конце концов, составили обширное и глубокое описание такого уникального феномена как Французская революция.

Если говорить о каждой концепции отдельно, то любая из них пришла в историческую науку в свое время.

Классическая историография появляется на волне популярности марксизма, в то время когда политическая история уже начинала себя исчерпывать. Новый пласт социально-экономических проблем захватил

историков. Безусловно, на ее расцвет повлияли общие условия острого послевоенного кризиса. Октябрьская революция в России, революции в Германии и Австро-Венгрии дали мощный толчок подъему революционных и социалистических идей. Во Франции обострилась социальная борьба, значительно усилилось рабочее движение, возникла сильная Коммунистическая партия, возросло влияние марксизма. Общественное внимание гораздо больше, чем раньше стали привлекать экономические и социальные вопросы, положение трудящихся масс, народные движения.

Именно в это время выходят в свет многотомные, монументальные труды по истории Революции классиков, где на основании богатейшего архивного, статистического материала были сделаны основополагающие выводы для марксистской концепции понимания Революции. Как раз Жорес в противовес Олару затронул социальные и экономические проблемы, которым раньше уделялось не столь пристальное внимание. Жорес особо подчеркивает, что революция стала завершением долгой экономической и социальной эволюции общества, которая привела к господству буржуазии. Матьез, его последователь, так же подчеркивает, что весь XVIII век, развитие отношений на всех уровнях, политическом, экономическом, социальном и культурном, привели к революционному взрыву 1789 года. Он утверждает, что главными подстрекателями в народной среде являлись представители из класса буржуазии.

Однако в противовес Жоресу, Матьезу и их социально-экономической интерпретации Революции появляются труды Кошена и Морне, которые главную роль в событиях конца XVIII века отводят процессам, происходившим в общественном сознании, а так же Просвещению и его влиянию на социум. Это столкновение «классической» концепции и социальной психологии оказало влияние на дальнейшие исследования и повлияло на отход от первой.

Концепция ревизионистов и атлантиков приходит на смену марксизма в момент, когда он себя исчерпывает не только как подход в изучении

данной темы, но и вообще как учение. В не меньшей степени повлиял кризис и падение Четвертой республики, как оплот социализма.

Главная задача представителей атлантической теории, Годшо и Палмера, доказать, что французская революция являлась лишь частью революции более глобальной. Благодаря работам ревизионистов, таких как Фюре, Рише, Озуф, окончательно оформилась концепция, ограничивающая ее прогрессивное значение так называемой «революцией элит», то есть господством буржуазно-дворянского блока. Напротив, народные движения, якобинское правление и социально-экономические свершения этого периода оценивались как реакционные аспекты революции, задержавшие поступательное развитие страны по капиталистическому пути. Однако ревизионизм оказался слишком «резким» отрывом от классической историографии.

На смену ревизионизма в 80-е приходит более спокойный и не такой критичный постмодерн. Основные дискуссии завершаются, теперь историки не претендуют на то, что их теория единственно верная. Концепция Дарнтона и Шартье подводит черту под XX веком, в которой основной упор делается на изучении общественного сознания и его изменениях.

Изучение ментальности и исторической антропологии осталось важным направлением научных исследований, однако центр внимания переместился в область истории культуры. По словам Ле Гоффа, «подобно экономике и социальной истории в прошлом, история культуры ныне имеет тенденцию захватить всё поле исторических исследований». Культурологию французские ученые рассматривают очень широко, включая в нее все формы духовной жизни, системы ценностей, идеологические и религиозные течения, труд, развлечения, ритуалы и многое другое. Культурологи занялись и такими темами, которые раньше вообще не изучались, например, историей «отклоняющегося поведения», историей маргинальных групп населения, историей сексуальности, историей женщин.

Но чем же все-таки завершается спор о сущности революции? Ведь отголоски всех концепция продолжают жить в той или иной мере. Возможно, помочь в этом может вывод о том, как преподается история Революции в школах, то есть людям далеким от исторических дискуссий. Мы проанализировали самый современный учебник по геоистории, по которому сейчас изучают историю Революции большинство французских учащихся (См. Приложение). Выделяется два безусловных фактора: влияние идей Просвещения, причем подчеркивается, что это только влияние на умы общества, которое подготовило его для определенных изменений, и воздействие Американской революции как первой в череде атлантических революций. Такая трактовка происхождения Революции вполне соотносится с последними разработками историков.

Итак, мы можем подвести итог нашему исследованию. XX век оказался весьма насыщенным для историографии Французской революции, сменилось несколько ведущих концепций, был пережит период ожесточенных споров, чтобы в конце концов история Революции впитала в себя все исследования, образуя огромное многоликое сооружение, ужасающее и в то же время восхищающее своей глубиной и сложностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. Адо А. В. Документы истории Великой французской революции. М., 1990-1992. Т 2.
2. Адо А. В. Крестьяне и Великая Французская Революция. Крестьянское движение в 1789-1794гг. М. : издательство МГУ. 1987. Издание 2-е, переработанное и дополненное.
3. Блуменау С. Ф. Учред. собрание и избирательный ценз // Всеобщая история: современные исследования. Брянск. 2005. № 14.
4. Блуменау С. Ф. Фискальный пресс накануне Великой Французской революции и налоговые реформы Учредительного собрания // Всеобщая история: современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. 2008. № 17. С. 75-89.
5. Годшо Ж. О книге Ф. Фюре // Французский ежегодник 1979. М. : Наука. 1981. С. 255-260.
6. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории Франции. Приложение: История, антропология и журналистика. Интервью с Робертом Дарнтоном. М., 2002.
7. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из французской культуры. М. : Новое литературное обозрение. 2002. 384 с.
8. Дарнтон Р. Высокое Просвещение и литературные низы в предреволюционной Франции. / Пер. с англ. Г. Дашевского // НЛО. 1999. № 37. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/37/darnton.html>//.
9. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. В 6-и т. Т.1 : Учредительное собрание (1789-1791). М. : Прогресс. 1976.
10. Кошен О. Малый народ и революция. Сборник статей об истоках Французской революции. М. : Айрис-пресс. 2004.
11. Лефевр Ж. Великий страх 1789 года. Реф. Чертковой Г.С. URL:<http://istmat.info/node/28031>//.

12. Лукин Н. Альфонс Олар // Историк-марксист. 1928. № 10. С. 71.
13. Манфред А.З. Великая французская революция (Посмертное издание). М., 1983.
14. Матьез А., Французская революция / Пер. с фр. К.И. Цидербаума. Ростов н/Д. 1995. С.25-33.
15. Морщикина Л.А. Эволюция взглядов Франсуа Фюре на Великую Французскую революцию. 2000 г. URL:<http://larevolution.ru/evolution.html>.
16. Образование во Франции. Свободная энциклопедия Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Образование_во_Франции.
17. Олар А. Политическая история Французской революции. Происхождение демократии и республики / Пер. с фр. Н. Кончевской. М. : ОГИЗ. 1938.
18. Полторац Д. И. Содержание исторического образования в зарубежной школе // Преподавание истории и обществознания в школе. 2008. № 9.
19. Собуль А. Жорес, Матьез и история Французской революции / Пер. с фр. Г.А. Шумяцкой // Французский ежегодник 1982. М. : Наука. 1982. С. 211-219.
20. Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. Народное движение и революционное правительство 2 июня 1793 года – 9 термидора II года / Пер. с фр. Вайсмана Б.С., Каравкиной Д.Л., Рубина Е.В.. Редакция и вступит. статья Манфреда А.З. М. : Прогресс. 1966.
21. Соколов А.Б. Современный зарубежный опыт преподавания истории в школе // Преподавание истории и обществознания в школе. 2010. № 6.
22. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.
23. Фюре Ф. Постигание Французской революции / Пер. с фр. Д.В.Соловьева. СПб. : ИНАПРЕСС. 1998.

24. Чудинов А. В. Огюстен Кошен и его вклад в историографию Великой Французской революции // Французский ежегодник 1987. М., 1989. С. 220-239.
25. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции // Пер. с фр. Гринберг О.Э. М. : Издательский дом «Искусство». 2001.
26. Albert Soboul : biography. URL: <http://www.fampeople.com/cat-albert-soboul>.
27. Augustin Cochin. Biographie. URL: http://www.peoples.ru/science/-history/augustin_cochin/.
28. Bourdin P., Boutry P. L'Église catholique en Révolution : l'historiographie récente // Annales historiques de la Révolution française. 2009. № 355. URL: <http://ahrf.revues.org/11382>.
29. Daniel Mornet. Wikipédia en Français. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Daniel_Mornet.
30. De Mathan A. La Révolution à l'œuvre. Perspectives actuelles dans l'histoire de la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française. 2006. № 346. URL: <http://ahrf.revues.org/11382>.
31. Deleplace M., De Cock L., Jessenne J-P., Grenouilleau O., Sottocasam V., Talon C. Enseigner la révolution française au début du xxiè siècle // Annales historiques de la Révolution française. 2012. № 368. pp. 163-182. URL: <http://ahrf.revues.org/13874>.
32. Denis Richet. Wikipédia en Français. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Denis_Richet.
33. Dictionnaire critique de la Révolution française. Wikipédia en Français. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Dictionnaire_critique_de_la_Révolution_française.
34. Félix J. Louis XVI et Marie-Antoinette. Un couple en politique. P. : Payot. 2006.
35. François Furet. Biographie. URL: http://dir.md/wiki/François_Furet?host=en.wikipedia.org.

36. Furet F., Ozouf M. A Critical Dictionary of the French Revolution. Belknap Press of Harvard University Press. 1989. URL: https://books.google.ru/books/about/A_Critical_Dictionary_of_the_French_Revolution.html?hl=ru&id=HdtnAAAAMAAJ.
37. Guilhaumou J. François Furet et Mona Ozouf, Dictionnaire critique de la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française. 1990. № 279. pp. 106-109. URL: http://www.persee.fr/doc/ahrf_00034436_1990_num_279_1_1298_t1_0106_0000_2.
38. Histoire de France CM2 (Programmes 1995). URL: <https://manuel-sanciens.blogspot.ru/2014/07/histoire-de-france-cm2-programmes-1995.html>.
39. Histoire Géographie EMC 4e, manuel élève (grand format), Collection E. Chaudron, S. Arias, F. Chaumard, 2016. URL: <http://ru.calameo.com/read/000596729a16ac469613f>.
40. Jean Jaurès. Biographie. URL: http://www.peoples.ru/state/politics/jan_jore/.
41. Louvrier J. Rethinking the controversy: the reception of the book by François Furet and Denis Richet, La Révolution française // Annales historiques de la Révolution française. 2008. № 35. URL: <http://ahrf.revues.org/11382>.
42. Martin J-C. François Furet et Mona Ozouf, Dictionnaire critique de la Révolution française, Dictionnaire historique de la Révolution française // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1991. № 2. pp. 328-334. URL: http://www.persee.fr/doc/ahess_03952649_1991_num_46_2_278947_t1_0328_00_00_002.
43. Mona Ozouf . Biographie. URL: <https://peoplelife.ru/212611>.
44. Mornet D. Les origines intellectuelles de la révolution française (1715-1787). Editions La Manufacture. Lyon. 1989. P. 632.
45. Patrice Gueniffey. Biographie. URL: <https://www.franceinter.fr/personnes/patrice-gueniffey>.
46. Ran Halévi. Wikipédia en Français. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Ran_Halévi

47. Roberts J. M. The French Revolution. Oxford University Press.1973.
2 vols.

48. Roger Chartier. Wikipédia en Français. URL: <http://fr.academic.ru/di-nsf/frwiki/1445864>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адо А. В. Французская революция в советской историографии. М., 1998.

2. Адо А.В. Очередная атака на марксистскую концепцию Французской революции конца XVIII в. // Вопросы истории. 1973. № 4,5.

3. Блуменау С.Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания: Французская историография революции конца XVIII в (1945-1993 гг.). Брянск. 1995.

4. Блуменау С.Ф. Просвещение и проблема истоков Французской революции: современное видение // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 155- 161. URL: <http://istorja.ru/forums/topic/1167-s-f-blumenau-prosveshhenie-i-problema-istokov-frantsuzskoy-revoljutsii-sovremennoe-videnie/>.

5. Блуменау С.Ф. Французская революция конца XVIII в. В современной научной полемике // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 141-150.

6. Годшо Ж. Современное состояние изучения Французской революции в странах Западной Европы и США // Французский ежегодник 1970. М., 1970. С. 267-277.

7. Креленко Н.С. Некоторые проблемы истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки // Судьбы историков. Саратов. 2011. URL: <http://refdb.ru/>.

8. Манфред А.З. Вступительная статья // Французский ежегодник 1978. М., 1978.

9. Манфред А.З. Некоторые тенденции зарубежной историографии. К., 1977.
10. Пасквиль. Литературный словарь. URL: http://dic.academic.r/dic.-nsf/enc_literature/3593/Пасквиль//.
11. Репина. Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей 1996. М. : Наука. 1996.
12. Собуль. А. Философы и Французская революция // Французский ежегодник 1982. М. : Наука. 1984. С. 138-149. URL: <http://istmat.info/node/2-90/40//>.
13. Чудинов А.В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789-1799гг.: Итоги юбилея. М., 2000.

Анализ учебной литературы

Историческая наука идет вперед, однако не может существовать ради самой себя, ее открытия и нововведения необходимо доносить до широких масс. Но мы знакомы с влиянием государственной идеологии на образование по XX веку, особенно по СССР. Также мы знаем, что новые исторические открытия не сразу проникают в образовательную среду. В качестве практической части нашего исследования мы решили провести анализ некоторых современных французских учебников, чтобы выявить связь между современной научной трактовкой Революции и преподаванием данной темы в школах.

В первую очередь стоит кратко охарактеризовать систему преподавания истории во Франции. Система школьного образования во Франции имеет сложную структуру, в которой выделяются классические школы, колледжи и лицеи, гимназии и техникумы. Во всех учебных заведениях история преподается в большем или меньшем количестве, но всегда с упором на современность.

Во Франции уроки истории имеют высокий статус, ее значение как средства политического воспитания осознано обществом еще в начале XIX века, когда разногласия в преподавании этой дисциплины явились причиной для идеологического противостояния. При этом, по данным А.Б. Соколова, именно профессиональные историки оказали большое влияние на школьное образование, провозглашая идею «объективной истории»⁸⁹. Марк Ферро пишет: «Профессора истории горячо спорили как с левыми так, и с правыми, стремясь будто бы установить историческую истину, соответствующую фактам». Но сам выбор этих фактов, разве он не был продиктован

⁸⁹ Соколов А.Б. Современный зарубежный опыт преподавания истории в школе // Преподавание истории и обществознания в школе. 2010. № 6. С. 66.

идеологией? Во Франции говорят, что государственная власть не любит истории с ее вопросами и сомнениями. Если это правая власть, она не любит также и философии. История цивилизаций была введена в программы как обновленная история; это объясняли необходимостью соответствовать современному уровню развития гуманитарных наук. Но то, что у ученых было прогрессом по сравнению с историей событийной, в системе передачи и приобретения знаний, да еще в руках министерских чиновников стало шагом к разрушению представлений»⁹⁰.

Отличительной чертой преподавания истории для Франции является: объединение её с географией в единый предмет, являющийся обязательным на протяжении всего периода обучения. Таким образом, история и география не разделяются в сознании школьников⁹¹.

Если говорить об источниковой базе учащихся, то это, безусловно, не только учебник. Особое значение во Франции в наши дни приобретает использование в преподавании истории компьютерных технологий и коммуникативных возможностей Интернета. Исторические документы, благодаря развитию архивного дела, совершенствованию техники копирования, становятся доступными при изучении истории. Сайты Интернета предоставляют широкие возможности для знакомства с письменными источниками, но их использование нуждается в методической адаптации. Новые электронные средства массовой информации требуют внимания со стороны дидактов, которые должны постараться найти правильный срединный путь между некритическим использованием Интернета, CD и DVD и пренебрежением возможностями обучения, открываемыми благодаря этим средствам.

В своей работе Д.И. Полтораки пишет, о необходимости понимания учащимися французских школ, что телевидение не является нейтральным, объективным и открытым. Поэтому во Франции для педагогов издаются

⁹⁰ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 231.

⁹¹ Соколов А. Б. Современный зарубежный опыт преподавания истории в школе // Преподавание истории и обществознания в школе. 2010. № 6. С. 66.

специальные пособия, предлагающие методики и приемы обучения, помогающие учащимся осмысленно использовать первичные и вторичные свидетельства, взятые из исторических телепередач. Важным умением считается умение сравнивать информацию с другими ее источниками, оценивать влияние телевидения на способ освещения исторического события и явления. Наряду с документальными источниками и телепередачами, становящимися важными общественно – политическими документальными, в практике школьного обучения не уменьшается использование художественных фильмов. В помощь учителям был подготовлен каталог художественных фильмов, которые могут послужить источниками исторической информации, с комментариями, как эти фильмы использовать в процессе обучения⁹².

Также стоит кратко охарактеризовать саму систему образования, чтобы понимать для какого возраста преподается интересующая нас тема.

Образование состоит из традиционных ступеней: начальное, среднее и высшее. Нас будет в данном случае интересовать среднее звено. Оно делится на две ступени: коллеж и лицей, где, в общем, учатся 7 лет. Примечательный факт, что наименование классов во Франции идет наоборот, от шестого (в России это 5 класс) к 1 (для России это 10 класс). Обучение в коллеже является обязательным, длится четыре года (с шестого по третий класс) и разделено на три цикла.

- Цикл адаптации – шестой класс. В этот класс берут всех выпускников начальной школы без экзаменов. Цель первого года обучения в коллеже: закрепить и свести воедино полученные в начальной школе знания, подготовить учеников к самостоятельному обучению.
- Центральный цикл – пятый и четвёртый класс. Целью этого цикла является углубление полученных знаний и умений. Особое

⁹² Полтораки Д. И. Содержание исторического образования в зарубежной школе // Преподавание истории и обществознания в школе. 2008. № 9. С. 64.

внимание уделяется успеваемости и подготовке к выбору профессионального направления в лицее.

- Цикл профессиональной ориентации – третий класс подготавливает учеников к выбору одного из трёх направлений: общее образование, техническое или профессиональное.

Лицеи подразделяются на три типа: общий, технологический и профессиональный. В первых двух обучение – 3 года. В лицеях общего типа по итогам экзаменов выдаётся диплом общего бакалавриата, дающий право доступа к высшему образованию. По окончании технологического лицея сдаются экзамены на получение диплома технологического бакалавриата – право на обучение в университете по своей специальности. Профессиональные лицеи (аналог российского ПТУ) – обучение 2 года, по окончании которых выдаются свидетельство о профессиональном обучении и сертификат о профессиональной пригодности, не дающие доступа к высшему образованию⁹³.

Итак, теперь мы можем перейти к анализу самого учебника. Мы решили исследовать самый современный учебник по геоистории, 2016 года выпуска для 4 класса среднего звена, написанный под руководством Эмилии Бланшар и Арно Мерсье. Именно там изучается тема Революции на более глубоком уровне. Но, стоит отметить, что впервые учащиеся знакомятся с Французской революцией еще в начальной школе, точнее в классе CM2, который равен 4 классу в российской системе образования, то есть в 10 лет. Там на элементарном уровне даются основные даты, термины, краткая характеристика событий и формируется отношение учащихся к данному событию. Самый главный вывод, который делается в начальной школе – революция это коренное изменение в обществе⁹⁴.

⁹³ Образование во Франции. Свободная энциклопедия Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Образование_во_Франции.

⁹⁴ Histoire de France CM2 (Programmes 1995). URL: <https://manuelanciens.blogspot.ru/2014/07/histoire-de-france-cm2-programmes-1995.html>.

Теперь переходим к анализу геоистории за 4 класс. Интересующая нас тема находится в третьей главе, после главы о Просвещении, к которой мы вернемся чуть позднее. Глава «Французская революция и Империя» поделена на несколько подтем, а именно:

- События Французской революции;
- Влияние Американской революции;
- 1789-1791 гг., конец Старого режима;
- 1792-1794 гг., Республика и ужас;
- Фундамент новой Франции;
- Империя Наполеона;
- Наполеон и империя;
- Империя и искусство;
- Империя Наполеона и Европа.

Из такого подбора тем, можно увидеть, что Революцию 1789 года, время Террора и империю Наполеона учащиеся рассматривают вместе, как неотделимые друг от друга события.

В первом параграфе приводится лента времени с основными датами данного периода, от 1788 до 1795 года. Также здесь помещены и кратко описаны основные события (открытие Генеральных штатов, взятие Бастилии, взятие дворца Тюильри и т.д.) и необходимые термины (республика, права человека)⁹⁵.

Параграф, посвященный событиям 1789-1791 гг., предполагает знакомство учащихся с новой политической системой, установившейся во Франции после лета 1789 г. Здесь учащимся предлагается интересное задание – представить себя в роли наблюдателя за событиями в Париже и написать письмо своему отцу с рассказом о больших изменениях. В учебнике приводятся выдержки из устава заседания якобинцев, гравюры с ним же, выдержки из газет того времени и в конце представлена Декларация прав

⁹⁵ Histoire Géographie EMC 4e, manuel élève (grand format, Collection E. Chaudron, S. Arias, F. Chaumard. P. 62-63. URL: <http://ru.calameo.com/read/000596729a16ac469613f>.

человека и гражданина, которые необходимо использовать для составления письма. По ходу изучения документов учащимся предлагается сделать несколько заданий: описать заседание якобинцев, распределить и описать полномочий новых ветвей власти и проанализировать Декларацию прав человека и гражданина. В конце предлагается сделать выводы и закончить письмо.

Если говорить о том, как представлены предпосылки Революции, то в данной главе их связывают с Американской революцией. В водной части параграфа обозначено, что американцам вместе с союзниками-французами удалось победить англичан, провозгласить свою независимость и принять Конституцию (1787 г.), что вызвало во Франции большой резонанс. Здесь же представлены выдержки из Декларации независимости, письма Бенджамина Франклина в Парижский суд и, наверное, самая главная связка с Францией – это слова Кондорсе о том, каким примером Америка является для Франции⁹⁶.

Кроме того в предыдущей главе «Европа эпохи Просвещения» достаточно подробно представлена философская мысль, ее развитие в XVIII веке и влияние на общественность и ее настроения. Так выглядит состав данной главы:

- Идеи философов и протест против абсолютизма;
- Рождение общественного мнения;
- Вольтер, философ эпохи;
- Энциклопедия;
- Искусство и Просвещение;
- Новые идеи.

Общей нитью главы являются выдержки из высказывания разных философов или замечаний образованных французов касательно Американской революции, которая должна повлиять на Францию, критика абсолютизма, восхваление прав человека и т.д. Отдельно стоит сказать о

⁹⁶ Histoire Géographie EMC 4e, manuel élève (grand format). Collection E. Chaudron, S. Arias, F. Chaumard. P. 62-63. URL: <http://ru.calameo.com/read/000596729a16ac469613f>.

распространении идей в обществе. В параграфе «Рождение общественного мнения» кратко и ясно показаны пути распространения философской мысли – это салоны, кафе, появление многочисленных газет, литературных произведений и брошюр. Также представлена выдержка из дневника парижанина, в которой он рассказывает о распространении шпионства в Париже. Все это позволяет учащимся оценить обстановку в обществе Парижа перед Революцией⁹⁷.

Интересно, что в качестве примера глашатая философии приводится Вольтер. Он представляется как некий мученик за права и свободы человека, подчеркивается, что за свои идеи он несколько раз был заключен в тюрьму. Однако его идеи не связывают конкретно с самой будущей Революцией.

Таким образом, мы можем составить картину предпосылок Революции конца XVIII века, представленную в данном учебнике. Выделяется два безусловных фактора: влияние идей Просвещения, причем подчеркивается, что это только влияние на умы общества, которое подготовило его для определенных изменений, и воздействие Американской революции как первой в череде атлантических революций. Такая трактовка происхождения Революции вполне соотносится с последними разработками историков. Разумеется, есть некоторые недостатки, так упущено положение крестьянства и экономические факторы, поверхностно разобран период 1789-1791 гг. Впрочем, возможно это сделано как раз, потому что у историков нет единого мнения касательно этого периода.

⁹⁷ Histoire Géographie EMC 4e, manuel élève (grand format). Collection E. Chaudron, S. Arias, F. Chaumard. P. 62-63. URL: <http://ru.calameo.com/read/000596729a16ac469613f>.